

Юрий Орланов - Орлов

Краповые ПОГОНЫ

Мы служили там, куда
посылала нас Родина

Юрий Орланов – Орлов

Краповые погоны

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Орланов – Орлов Ю. И.

Краповые погоны / Ю. И. Орланов – Орлов — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Рассказ о службе во Внутренних конвойных войсках в начале восьмидесятых годов двадцатого века.

Десантник гордится своим беретом,

Матрос тельняшку спешит показать,

А ты, солдат, закури сигарету,

О службе в ВВ не спеши рассказать.

Солдатский фольклор.

I. Проводы.

В это утро я проснулся раньше обычного и хотел уже пойти в ванную, чтобы умыться и бодро начать этот особенный в моей жизни день, на котором заканчивалась жизнь прежняя: детство, школа, юношеские наивные стремления и мечты, и начиналась новая: жизнь взрослого человека, которая по моим представлениям не могла начаться ни чем иным, кроме службы в армии.

Но воспоминания о вчерашнем вечере заставили меня остаться в постели.

За окном слышался шум первого утреннего автобуса.

Все просыпалось, чтобы начать это обычное стремление вперед, торопя время.

Комната наполнилась утренним светом, нежным и зазывающим. Как бы прощаясь я стал осматривать потолок, стены, вещи – все то, что привык видеть здесь много лет и с чем приходится расстаться, может быть, на два года, а может быть... Кто знает?

Далеким предчувствием я понял, как мне будет не хватать этой обстановки, такой для меня близкой и дорогой.

На полу, недалеко от двери у шифоньера, прислонившись к голой стене, спала Света, девушка, с которой я познакомился вчера. Вероятно, ей было холодно, потому что она очень плотно укуталась в розовое легкое покрывало, служившее ей одеялом, вжавшись в матрас и подушку.

Я подошел и укрыл ее теплым одеялом, она по – прежнему спала, пребывая в своих девичьих снах, что давало возможность безнаказанно любоваться ею: темно русые коротко стриженные волосы с длинной челкой, аккуратный прямой нос, притягивающие к себе, не тонкие губы, ну и, конечно же, глаза с этими кукольными ресницами, они были прикрыты. Эти живые голубые глаза, которые так приворожили меня вчера. Глаза умной девушки, не очень большие, но выразительные, они придавали ей строгость и интеллигентность. Женственно – юное лицо.

Вчера, когда Света вошла в квартиру с другой девушкой, я сразу отметил в ней это: красоту, строгость и интеллигентность. Да, она была красива, красива именно настолько, насколько я мог представить в своих мечтах, и если уж не с такими чертами, то такие черты я допускал на все сто.

Умная девушка. Это было видно во всем: в движениях, в уверенности, даже в легкой самоуверенности, свойственной людям, знающим себе цену, и в то же время в странной способности приближать к себе или отталкивать незаметно потенциальных претендентов на ее сердце именно в те моменты, когда это нужно ей, и настолько, чтобы было понятно, что это лишь ничего не обещающая игра.

Странно. Почему так часто бывает в жизни? Когда надоедает быт, обыденность, невыразительность, и ты даже рад обстоятельствам, благодаря которым тебя вырывает из этого мира, и тебя уже подхватило, ты опрометчиво и без всякого сожаления готов оставить это лишь в уголках своей памяти, именно в этот момент появляется «тормоз» в виде новых людей, неожиданно ворвавшихся в твою жизнь, неожиданных идей со стороны твоих старых, казалось, иссякших на обыденности друзей, неожиданно возникшей перспективы, которой и возникнуть еще вчера было невозможно.

И ты готов уже навсегда врасти в эту жизнь, отречься от всего, что готово вырвать тебя из этой самой дорогой уже тебе атмосферы, вцепиться руками во что – то самое крепкое и надежное, но понимаешь, что это невозможно. И тебя уже несет в другую жизнь, к чужим людям, к неведомым обстоятельствам, и ты лишь горько сожалешь о том, что потерял нечто очень ценное для тебя, в такое неподходящее время.

С щемящей грустью прощаешься с той жизнью, и лишь одна злорадная мысль гложет тебя, разжигая сознание: «Ты сам этого хотел, ты сам виноват».

В дверь постучали. « Не рано ли», – подумал я. Мне не хотелось возвращаться в этот реальный мир, где все так строго расставлено по своим местам, и где сейчас нет места этой девушке, в своем сне спрятавшей прекрасные глаза под веками с кукольными ресницами, нет места мечтам, а есть лишь люди, которым от других людей нужны только действия и полезный результат.

Дверь открыла мама. Это пришел кто – то из родственников проводить меня.

Скоро квартира вновь наполнилась вчерашними гостями, множеством разговоров, пожеланий и напутствий, торжественно – серьезных лиц.

Но атмосфера праздника незаметно сменилась атмосферой приготовления к дороге; в 11 часов утра нас, призывников, уже посадят в автобус, и все это останется лишь в сладко – печальных воспоминаниях.

События вчерашнего вечера самопроизвольно всплывали в моей памяти, именно те, что навсегда останутся в моей голове.

Вот я уже пьяный сижу за столом с сигаретой в руке, хотя раньше никогда не курил при родителях. Мне предлагают чай. Передо мной тарелка с шоколадными конфетами. Я отказываюсь. И сладковатый голос девчонки напротив:

-Да ты что? Ешь конфеты, в армии столько не покушаешь, потом будешь жалеть, – как будто сама служила и все знает.

Но мне уже не до конфет, все проплывает в какой – то дымке. Громкая музыка бодрит, хочется танцевать с девушками, обниматься, душа переполнена впечатлениями. Я вижу Свету, она с кем – то разговаривает у окна.

И вновь всплывает тот момент, когда они пришли. Вадик, старший брат Сашки, моего одноклассника, недавно освободившийся из колонии, где три года отсидел за воровство, Света и Надя. Имена девушек я узнал позже, потому что раньше никогда их не видел.

Оказалось, что они из Челябинска, приехали к нам для прохождения практики, студентки техникума. И, естественно, Вадик успел не только познакомиться с ними в общежитии, но и пригласить их на проводы знакомого парня, где такой простор для общения и веселья.

Ещё момент – на лестнице у квартиры: отец держит Вадика рукой за воротник рубашки, другой замахнулся, его разъяренные глаза и испуганные глаза Вадика:

-Раздавлю! Ты что, хочешь все испортить?! Я сына провожаю!

Тот что – то испуганно лопочет. Конечно, отец не ударил. Оказывается, Вадик уже затеял драку, но, к счастью, его остановили, остудили быстро.

Все пролетело быстро и незаметно. Разошлись гости. Остались только девушки и Сашка, который весь вечер не отходил от Нади. Девушкам было некуда идти, общежитие в 11 часов закрылось. Если опоздал, лучше там не появляться.

Я предложил девчонкам свою кровать, они из скромности предпочли спать на полу.

Надя так и не появилась в спальне, слышал их шушуканье с Сашкой на диване возле стола.

И вот мы вдвоем. Она смотрит на меня каким – то непонятым взглядом, напоминающим то ли жалость, то ли сочувствие, то ли тепло, но не любовь, конечно.

Я представляю себя со стороны: свое круглое лицо с пробивающимися, еще ни разу не бритыми усиками. Круглое, потому что, я уверен, мне не идет стрижка под расческу. И чего я поторопился, постригся бы на призывном.

Это не первая девушка в моей жизни, с которой я остался так близко один ночью. Я пытаюсь спрятать свои чувства, неуклюже хочу поцеловать ее в губы. Она слегка сопротивляется, но не отталкивает. Я ей, видимо, не противен. Я таю, начинаю действовать уже в сладком полусне, целую, хочу утонуть в ее неге. Но нет... До конца она не хочет.

– Ты не хочешь? – спрашиваю в нетерпеливом волнении.

– Нет, не надо.

– Почему?

– Хочу остаться свободной.

– Свободной от меня?

– Да нет, не в тебе дело. Свободной, наверное, все – таки от себя, от своей совести, может быть. Ты ведь еще глуп, как все мальчишки, не обижайся только. Да и не ко времени, не люблю мимолетных приключений.

Да, она явно была взрослее в своем понимании жизни, может, интуитивнее, что свойственно многим девушкам. Она понимала мое положение, ей было меня жаль, наверное, и я, возможно, даже нравился ей. Вечером, танцуя со мной, она пыталась говорить что – то похожее на комплименты:

– В тебе чувствуется индивидуальность, – сказала она, – как – то слегка наклонив голову и улыбаясь, немножко кокетничая. – К тому же ты не назойлив, не нагл.

– Одним словом, если бы не..., то кто его знает?

– Возможно...

Она поцеловала меня в губы, по – настоящему, продолжительно и сладко, так, что пронизанный весь дрожью и еще непонятым чувством я готов был уже завестись до беспамятства, но она сдержала меня:

– Ну, иди... пожалуйста. Иди спать. У тебя завтра трудный день, – сказала она.

И я, не сразу, конечно, после еще некоторых сладких мгновений, тех самых, ради которых стоит жить, ушел, переполненный противоположными чувствами приятного блаженства и полного неудовлетворения, что не достиг того, к чему стремился и чего не получил, в состоянии расплавленного кусочка льда. Я готов был остаться с ней навсегда.

Утро последнего предармейского дня пролетело еще быстрее, чем вечер. Света и Надя ушли часов в девять утра, слегка позавтракав и пообещав прийти к отправлению автобуса.

Гости доедали и допивали то, что еще оставалось на столе, иногда обращались ко мне с разговорами о предстоящей дороге и об армии.

Вещи давно уже были собраны, да и какие вещи нужны человеку, который через несколько дней либо выбросит свой чемодан со всем содержимым из окна вагона, либо отдаст какому – нибудь прапорщику, чтобы отправить в топку, и тем самым лишиться последнего, что еще напоминало о своей недавней жизни: о доме, о родителях, о друзьях.

И вот я сижу в автобусе, возле которого находится большое количество людей: родственники, друзья, просто любопытные. Плачет мама, у отца строгое торжественно – серьезное лицо:

– Ну, ладно, успокойся, через два года будет дома, ничего страшного. Мужиком вернется.

Она пришла вместе с Надей, как бы невзначай подошла к толпе, встала недалеко от открытого окна автобуса, недалеко и от меня.

Подошел мой старший брат, стал говорить что – то, может быть, и нужное, но я плохо слушал его.

– Это твоя девчонка? – спросил он, показывая на Свету.

– Да, – соврал я.

– Как ее зовут?

– Света.

– А почему она стоит в стороне? Света, подойди поближе.

Она подошла, встала у окна. Что – то таинственное, очень дорогое, родное и в то же время непреодолимо далекое было в ней. Я чувствовал это какой – то болью души и не мог

понять, почему то, что вчера было таким осязаемым, реальным, принадлежало мне, вдруг стало недостижимо чужим, другой жизнью, в которой меня уже нет.

Вязанный коричневый свитер, который придавал ей такую женственность, белый шарф, курточка с капюшоном и коротенькая юбочка – символ юной девичьей сексуальности – все это казалось мне волшебной, чудесной одеждой сказочной феи, несовместимой с серой обыденностью моей жизни.

Мое сердце резко заколотилось, я стал ощущать его быстрые толчки.

Водитель, на время заглушивший двигатель автобуса, завел его. Вот они, последние секунды, которые еще соединяют то настоящее, что неумолимо несется в дорогое прошлое, и будущее, чужое и неизвестное.

Автобус стал трогаться с места. Ну, прощай, город детства, прощайте, родные, прощайте все, увидимся, дай бог, прощай, Света...

Провожающие замахали руками, кто – то начал стучать по окнам автобуса. Водитель выругался и нажал на педаль, автобус резко рванул вперед...

П.КМБ и так далее.

Дорога до Медногорска, где нас ждала посадка в вагон поезда, была не долгой. Мы попрощались с родственниками у ворот районного военкомата и отправились служить. Каждый был занят своими мыслями, разговаривали мало, хотя, по – настоящему, никто ещё не осознал, что ждёт долгая разлука с близкими, с привычным бытом, ждёт казённая жизнь, где личное отходит назад.

Нас ждала армия, где личность становится лицом: лицом отделения, взвода, роты, точнее даже, одним из многих разных лиц, которые должны быть одинаковыми в одном: в умении подчиняться, в способности выполнять всё, что потребуют.

Сопровождать нас до Оренбурга был назначен прапорщик Воронов, до этого он довольно строго обращался с нами, и сначала мы относились к нему настороженно, присматривались. Но после того, как поезд тронулся, опасения развеялись минут через сорок.

Прапорцу предложили выпить, он не отказался, с удовольствием поднял кружку за нашу весёлую службу. Водки было мало, в райвоенкомате нас досмотрели, и почти всю выпивку изъяли. Но дальше второго вагона бегать не пришлось, проводники, накинув по трёшке за бутылку, продали нам пол ящика. Через два часа все были уже пьяными и счастливыми.

Всё обошлось без приключений, только мой одноклассник Коля Стародубцев упал с третьей полки, но почти не ушибся. Причём те, кто это видел, уверяли, что когда он руками уже шупал пол, пальцы ног ещё цеплялись за полку. Николай был верзила, каких мало.

К полудню поезд прибыл в Оренбург. Возле вагона построились в нестройные шеренги и пошли к троллейбусной остановке. Через час были на сборном пункте. Он занимал большую, огороженную сплошным забором, территорию с двумя четырёхэтажными зданиями и баракom с длинными рядами двухъярусных нар.

После того, как за нами закрылись ворота, началась армия. На призывном было скучно: сначала комиссия, собеседование, потом частые построения, а в основном, лежание на нарах. От скуки захотелось выпить. Поискали магазин, но поблизости винно-водочного не оказалось.

Во время одного из перекуров, к нам подошёл солдат, на призывном их было много, с разными погонами, следили за порядком, видимо.

Погоны у него были красные (краповые).

-Как дела, земляки, куда призывают? – спросил.

-Не знаем ещё.

-Может, и ВВ попадёте, как я.

-Почему это?

-Да разговаривали мы с офицерами, много «покупателей» из МВД.

-Ты обрадовал.

-А что, ничего. Кто-то, может, даже в Оренбурге служить будет.

-Ну и как служба?

-Да как? Не мёд, конечно. А вообще, главное – не лениться, в армии сачков не любят, ну и не жаловаться, не стучать.

– Не дай бог в ВВ, – сказал один из наших, – я сбегу тогда точно.

-Куда ты сбежишь? Я рядом с домом служу и то не сбежал. Да и зачем?

-Ну а всё-таки? Что за служба у вас, – спросил я.

– Привыкнуть тоже надо. У меня вот случай был. Год отслужил, назначили в плановый караул, конвоировали в поезде. Подъехали автозаки, стали получать осуждённых. Смотрю, выходит один, лицо знакомое, на меня смотрит. Я и не узнал его сразу. Зять, муж сестры. Я у него спрашиваю:

"Как? За что?".

"Вот так, – говорит, на краже спалился".

-А мне и не писали про него ничего. А что делать? В дороге через решётку общаться пришлось.

-Да, собачья служба, что ни говори, – сказал Николай Стародубцев,– лучше уж не попадать в такие войска, ничего хорошего.

-Нет, мы в ВВ не попадём, мне ещё в районе сказали, радиотехнические, сказал я.

– Мне – танковые говорили,-ответил солдат.

После ужина в помещение, где мы располагались, подошли два солдата -чернопогонника. Подошли к одному призывнику, поговорили, после чего он вытащил из кармана деньги и отдал им.

-У тебя есть деньги? – спросили они у меня.

-Нет.

-Ну, пошли с нами.

Отошли в сторону от здания.

-Дай пять рублей.

-Откуда?

-Да ладно, из дома едешь.

-Я вам что касса?

– Ты что борзый такой?

-Я же сказал, нет денег.

– Ладно, пацан, – сказал второй. –Мы тут без денег сидим. Дай хоть три рубля.

-Ладно, три рубля.

" Да хрен с ними, – подумал, – через несколько дней сам солдатом стану".

Через сутки и за нами пришли покупатели. Построили в колонну по два, отвели в сторону. Развернули в две шеренги, начали опрашивать:

-Судимые есть?

-Нет.

-Родственники у кого есть судимые?

-У одного нашлись.

-Кто?– спросили.

-Отец, дважды судим.

-Хорошо, разберёмся.

-Служить будете во внутренних войсках, служба непростая, но интересная.

-Чем?

-Узнаете.

-А куда поедем?

-Увидите.

-Ну, скажите, товарищ капитан.

-В Красноярск. На пра-во. Шаго-ом марш.

Через пару часов нашу команду вместе с другими посадили в воинский эшелон, разместили в вагоне, назначили старших, дежурных, дневальных... Сначала поехали на Запад. Я уже обрадовался. Но доехали до Саратова, забрали там призывников и повернули назад. Опять Оренбург, уже проездом, и через Башкирию – в Сибирь.

На станциях выходить не разрешали. Выходили только солдаты, которые нас, похоже, охраняли. Они становились возле вагонов, где обычно стоят проводники. На ремнях у них висели штык-ножи. Письма передавали через окна проходившим мимо, просили, чтобы бросили в почтовый ящик.

Домашние продукты съели ещё на призывном. В поезде уже ели гороховое пюре, жиденькие супы, каши. Хотелось есть. Голод – постоянный спутник молодого солдата.

Снова выручили проводники. У них купили водку, дорога стала веселее.

По дороге я любовался пейзажем. Красивые хвойные леса сменялись голыми холмами, потом появлялись лесистые сопки, крутые зелёные склоны. После Кургана всё реже попадались города и сёла. А когда ехали уже по Сибири, те деревни, которые иногда появлялись, выглядели однообразно со своими некрашеными домами и заборами, кладками дров да колодцами-журавлями.

Когда осталось ехать совсем немного, мы почему-то, глядя на одного дурака, который выкинул что-то из вагона, стали выбрасывать в окно свои вещи, я выбросил фуражку, она мне не нравилась.

На железнодорожный вокзал Красноярска поезд прибыл в четвёртом часу утра. На перроне нас уже ожидали солдаты в бушлатах с краповыми погонами и в пилотках. Как только вышли из вагона, я сразу почувствовал резкий холод. Мы приехали 11 мая, но деревья стояли голые, было сыро и ветрено, снег, видимо, только что сошёл. Я пожалел, что выкинул фуражку.

Нас построили в колонну по четыре и повели к стоянке, где нас ждали выстроенные в ряд Зилы -131-е, защитного цвета, кузова были закрыты тентом. Мы залезли в кузов, расселись на трёх продольных скамьях. Было всё так же холодно, я дрожал.

Перед тем, как сесть в машину, я обратил внимание на солдат, которые за нами приехали. Мне они показались более взрослыми, чем я, некоторые были с густыми, чёрными усами. Потом я узнал, что с усами были кавказцы.

Ехали по городу на большой скорости. Нас привезли не в воинскую часть, а в какую – то баню, даже не баню, а общественную душевую с множеством душей, тоже сделанных рядами, видимо, специально для солдат.

Перед помывкой, офицер построил нас и объявил:

– Сейчас вы помоетесь, переоденетесь. Часы, деньги сдавать мне, потом получите обратно. Желаящие сохранить свою одежду смогут отправить её домой, для этого надо будет написать адрес, заплатить нужную сумму денег. У меня к вам просьба: не рвать, не портить свои вещи – всё лучшее будет отобрано, по специфике службы нам бывает нужна гражданская одежда.

-Раздевайтесь здесь, подходите к парикмахеру, – он указал на одного из солдат, – проходите в душевую, быстро моетесь, потом подходите к прапорщику для получения обмундирования.

Некоторые хорошие вещи мы сразу отдали солдатам по их просьбе. Они уже готовились к демобилизации. Деньги многие взяли с собой в душ, засунув в целлофановые мешки.

После помывки была ещё одна интересная процедура. Надо было подойти к одному из воинов, который обмазывал пенящейся кисточкой пах, подмышки. При этом он ещё подшучивал над нами, у одного спросил:

-Знаешь, кто такой петух?

Тот не знал.

Прапорщик выдал форму. ХБ и бушлат были по размеру, а вот сапоги я выбрал маловатые.

После переодевания было интересно смотреть друг на друга. Некоторые вообще сильно изменились. Все были лысые, и все, казалось, были одного года рождения. Причём казались чуть ли не шестнадцатилетними. Смешнее всего выглядели нестандартные: очень маленькие и очень высокие. На одних всё висело, на других всё было короткое.

Потом нас снова посадили в машины и повезли опять не в часть, а за город, в лес. Повезли в летний учебный лагерь. Сначала ехали по шоссе. Потом свернули с трассы и поехали по жидкой грязи, медленно, колёса были до половины в жиже. Дорогой я поменялся сапогами. Мне сильно жали, а соседу по скамье были велики.

Нас высадили из машин и построили на плацу. Дежурный офицер объявил распорядок дня. Потом дал тридцать минут свободного времени. Мы поискали, где можно спрятаться от ветра, таких мест не нашлось.

Лагерь был обыкновенно прост. Прямо в тайге стояли три щитовых барака, напротив асфальтированный плац, за плацем деревянная стена и навес, под навесом длинные, деревянные, вкопанные в землю столы со скамейками – столовая; три небольших кирпичных здания – офицерская столовая, домик для офицеров и санчасть.

Несколько дальше летние классы для теоретических занятий в виде беседок со столами и скамьями, полосы препятствий: традиционная, с лабиринтом, рвом, бревном, стенкой и специальная, с трёхэтажным зданием, канатом, окопами и так далее. Дальше находился спортгородок, футбольное поле, ещё дальше – стрельбище. Вокруг лес, чуть в стороне – большое поле.

Место чудное... для отдыха на природе летом.

Мы не успели докурить, как приехали ещё три машины. Из кузовов повыпрыгивали воины. Потом заиграл аккордеон. Прибывшие новобранцы встали в круг, а в кругу начали плясать.

Мы были удивлены. Я такое впервые увидел. Удивился, что с аккордеоном приехали, приехали и сразу в пляс. Они плясали лезгинку. Это были кавказцы разных национальностей. Тоже – из воинского эшелона сразу в лес.

Кто-то заметил:

– Как будто не в армию, а на дембель приехали.

-А что им не радоваться, они вон, как одна семья, можно и повеселиться.

Мы были распределены по ротам, взводам, отделениям, всё, как положено. Каждому выдали по котелку, ложке, кружке. И когда в полевой кухне был приготовлен обед, нас по роту покормили в столовой под навесом. Кухня состояла из трёх котлов на колёсах, которых явно не хватало на весь учебный батальон.

Сержанты нашего взвода, сами только что получившие звания, первый день разговаривали с нами вежливо, как с равными; объяснили как пришивать погоны, как подшивать подворотнички, разместили по кубрикам в летней казарме. Спать легли часа в два ночи. Солдатская кровать-это единственное место для солдата, которое является личным, маленьким домиком, а чтобы попасть в него, надо дождаться любимой команды: «Отбой!».

-Рота подъём! – пронзительным звуком пронеслось по казарме.

Я, услышав этот неожиданный голос, долетевший до спящего сознания из далёкой реальности, машинально спрыгнул со своей кровати, которая находилась на втором ярусе, задев плечо вскакивающего солдата снизу. Потеряв равновесие, мы оба упали на пол.

-Ты что, придурак, ослеп?

Я ничего не ответил, стал быстро одеваться, подчиняясь резким командам сержантов, стоящих у кроватей.

Их лица были напряжены, даже озлоблены.

-Быстро одеваемся, осталось десять секунд! Что, суки, не поняли ещё, куда попали? Бегом, строиться возле казармы! Форма три, без ремней и пилоток.

Ещё не проснувшиеся до конца, мы кое как одевшись, не умея наматывать портянки, с трудом затолкав ноги в сапоги, выбежали на улицу и попали под холодный весенний дождь, ливень и насквозь продувающий ветер.

-Равняйся! Смирно! Вольно, заправиться. На праа-во, шаго-ом (не шагом) марш.

-Пять минут времени сходить в туалет.

После туалета– построение в колонну по четыре. Зам командира взвода, встав впереди, скомандовал:

-За мной бего-ом марш!

И побежал к огромному полю, видневшемуся впереди, увлекая нас за собой. Сначала было очень холодно, но потом стало даже приятно ощущать на разгорячённом теле капли холодного дождя.

С первой зарядки мы прибежали насквозь мокрые и возбуждённые.

Дальше всё пошло по распорядку: заправка кроватей, завтрак, занятия в классах, на плацу и так далее.

Сержанты, которым было поручено обучать нас, после нескольких месяцев зависимости, унижений, изнурительных занятий, впервые почувствовали свободу и власть и, не имея возможность отомстить тем, кто их гонял, как сидоровых коз, отыгрывались теперь на нас.

Отделению, в котором служили теперь я и мой одноклассник Николай Стародубцев, достался младший сержант Маликов, соответствующий своей фамилии: очень маленького роста, худенький, но в обращении с нами с постоянной ехидной улыбкой на лице. Когда он становился рядом со Стародубцевым, который располагался в строю первым, то было забавно на них смотреть: каланча и гном. Один имел сто девяносто восемь сантиметров, сутулясь, другой, даже вытянув шею, едва набирал сто пятьдесят пять.

На первом же занятии по физподготовке он стал откровенно издеваться, хотя и делал всё вроде по уставу:

-Упор лёжа принять. Отжимание. Раз..., два..., раз..., два...

Все упражнения делались до изнеможения, было ли это отжимание от земли, качание пресса, бег, прыжки, гусиный шаг – не важно.

Однажды, во время отжиманий к нам подошли солдаты из хозвзвода, уже отслужившие больше года:

-Смотри, как этот шкет духов воспитывает. Молодец, сержант! Гоняй их. Что, салаги, тяжело в армии? Волки. Разъелись на мамкиных пирожках.

Ну – ка не сачковать, спина прямая, я сказал!

Нам было тяжело не только от постоянных по поводу и без повода отжиманий, бега, строевой подготовки, но и от холода, постоянной сырости и грязи, постоянного чувства голода. Сапоги не успевали высохнуть за ночь, портянки –тоже, а утром – снова в грязь и слякоть. Сушить обувь было негде.

Каждое утро после завтрака выстраивалась специальная команда хромых, «кривых», больных, которая отправлялась в санчасть на перевязку болячек от мозолей и на лечение. Среди них были и симулянты, которых, как правило, быстро выявляли. На этот строй остальные посматривали не без зависти, у нас в помещениях было сыро и холодно, мы постоянно мёрзли, а в санчасти всегда было тепло, сухо и чисто, там стоял большой электрический обогреватель.

Сержанты, как я уже сказал, несли основное бремя по нашему обучению и воспитанию. Офицеры проводили теоретические занятия, руководили стрельбами. Был у нас и командир взвода. Но мы его редко видели.

Ночью и в выходные дни офицеров в казарме практически не бывало.

Нам всем казалось, что с нами жестоко обращаются, унижают, и только позже, когда после курса молодого бойца я попал в сержантскую школу, понял, что это были цветочки на самом деле.

Я и Николай познакомились с солдатами из хозвзвода. Среди них и земляк очень близкий оказался. Однажды он увидел, как маленький сержант очень уж рьяно гоняет нас на физподготовке, заставляет делать упражнения до изнеможения. Подошёл к нему, взял за шиворот гимнастёрки, спокойно объяснил:

– Ты что, дедушкой стал, салажонок? Или думаешь, что две лычки ставят тебя выше этих пацанов?

Сержант стоял обескураженный.

– Не забывай, тебе с кем-то из них ещё полтора года служить.

После этого случая Маликов никогда больше не позволял себе переходить грань дозволенного.

Через три недели жизни в полевых условиях служить стало на много легче. Установилась хорошая солнечная погода, исчезла грязь, деревья покрылись листочками, от них исходил приятный запах свежего русского леса. Дневальным теперь не нужно было по много раз выскрёбывать из казармы слой грязи. А-то было просто невыносимо: только помыли пол, зашли взводы, притащили грязь на сапогах, опять мыть. И так до отбоя.

Мы уже попривыкли друг к другу, да и сержантам надоело ставить из себя суперкомандиров. Хотя на занятиях приходилось по-прежнему выкладываться полностью: тактика, строевая, огневая, физическая подготовка, ЗОМП, кроссы, марш-броски. Зато время летело: всё на бегу, наскоро, только встал – уже отбой.

Баня была в большой специальной палатке, где стояли баки с водой, рядом с палаткой вода подогревалась на огне.

Раньше я мечтал об армии и, когда мне дали отсрочку, уговорил военкома, чтобы призвали сразу, со своим годом. Он ещё сказал тогда:

– Не хочу я тебя отправлять в стройбат, подождём что-нибудь подходящее.

Ушёл со своим годом, в восемнадцать лет, но вместо удовлетворения испытал разочарование. Мечтал увидеть себя стройным, подтянутым, героем-афганцем обязательно. Рисовал разные героические моменты, дерзкие поступки, медали.

Но, что получил? Красноярский край, тайга, глушь, вместо уважения – чуть ли не презрение, даже со стороны медсестёр. Дух – недоделка, полусолдат. Между своим призывом отношения тоже не ахти какие: все озлобленные, измученные, голодные. А внешний вид? Форма висит мешком, брюки-галифе напоминают шаровары, сапоги стоптанные, уродливые. А как не хватает сладостей? Сигарет не хватает. Морально я был подавлен.

Глядя на отношение к себе со стороны командиров, я совсем не проявлял к службе должного старания. Не заискивал перед сержантами, а наоборот, смотрел на них с таким же презрением, плохо бегал, хотя до армии бегал отлично, нехотя выполнял распоряжения. Как говорится: всё делал из-под палки. До армии подтягивался легко пятнадцать раз. Здесь не мог уже подтянуться и пяти раз.

КМБ подходил к концу, два месяца мы прожили в тайге. Самых старательных сержанты обещали направить в сержантскую школу. Уже был составлен список претендентов. Я в этот список не входил, и не горевал из-за этого. Я не мечтал о лычках. Тем более было известно, что те, кто попадут в учебный батальон, снова приедут сюда же ещё на полтора месяца. Ну, спасибо. Такая перспектива меня вообще никак не прельщала. У меня было одно желание – быстрее бы убраться отсюда в город, в посёлок, но поближе к людям, и забыть на всегда про карантин.

Наступил день распределения. Из полка приехала специальная комиссия во главе с подполковником Зотовым. Командиры взводов уже держали наготове списки: кого – куда. Но то, что произошло дальше, удивило многих.

Нас выстроили в две шеренги, вдоль которых Зотов с двумя офицерами стал делать обход, останавливаясь возле тех воинов, которые ему были интересны чем-либо. Подойдя к солдату, он сначала рассматривал его, потом начинал беседу. После чего объявлял: в школу радистов, в роту инструкторов СРС, на командира автомобильного отделения и так далее.

Очередь дошла и до меня:

-Фамилия?

-Рядовой Белов.

-Место рождения? Откуда призван?

– Город Целиноград. Призван из Оренбургской области.

-Образование?

-Среднее.

-После школы что делал?

-Работал электрослесарем.

-В сержантскую школу, – сказал и пошёл дальше.

Я немного опешил. Как в сержантскую школу? Опять сюда, в тайгу? То же самое подполковник сказал и Стародубцеву. Затем нас построили группами в зависимости от назначения и отправили в санчасть снова проходить комиссию, там уже ждали специально приехавшие медики.

Некоторые стали перебегать из одной группы в другую. Я предложил Николаю перебежать к шоферам. Он отказался:

-Мне брат сказал, чтобы шёл в сержантскую, пол года будут гонять, зато потом полтора года служба – чистый мёд.

-Хорошо, идём в учебку, – я хотел служить вместе со своим одноклассником.

В наш вновь сформированный взвод уже в учебном батальоне попал один интересный солдат. Он удивил всех невероятностью своего появления в армии вообще. Один глаз у него ничего не видел, на глазу было бельмо. Он взирал на красоты окружающей жизни лишь одним зрачком.

Чтобы попасть в армию, надо было пройти множество медкомиссий... Мы проходили их лет с четырнадцати каждый год. Как он их все прошёл? Кто его пропустил на службу? Фантастика! Увидеть такого солдата в войсках было всё равно, что встретить монахиню в хоккейной команде. Через две недели его комиссовали. Но он служил. Очевидно, судьба решила сыграть с ним весёлую шутку. Нетрудно представить, какова была реакция его знакомых, когда они увидели его в военной форме. А причина появления его в армии, вероятнее всего, была самая простая: военкомату нужно было выполнить план по призыву согласно разнорядке, но здоровых призывников не хватало. Всё равно, редкий и мутный случай.

Через несколько дней после того, как я с ещё несколькими солдатами из нашего взвода был зачислен в сержантскую школу, мы, наконец-то, на уже знакомых ЗИЛах покинули летний учебный лагерь, скрывшийся за величавыми, гордо красующимися кедрами, елями, и берёзами, чтобы вскоре снова вернуться сюда, но уже с другими людьми, в составе нового, ещё незнакомого подразделения.

Настроение у нас было приподнятое. Мы весело переговаривались, пересучивались о прошедшей и предстоящей службе, о дороге, хорошей погоде и о гражданке, которая всё ещё не выходила из головы. Я сидел возле заднего борта и любовался пейзажем.

Когда подъезжали к учебному батальону, мы приумолкли, с интересом и волнением стали ждать, что увидим там, где придётся дальше служить.

И вот, когда машины проехали по длинному высокому мосту через широкую ярко-голубую ленту красавца Енисея, гордо разрезающего старый сибирский город, и свернули направо, проехав строящееся здание цементного завода, то остановились перед зелёными железными воротами с двумя красными звёздами.

Воин в ХБ и фуражке с краповым околышем открыл ворота, и нас ввезли на территорию части, огороженную добротным, сплошным и высоким забором.

Посреди батальона находился огромный асфальтированный плац, с двух сторон которого расположились кирпичные четырёхэтажные казармы и все остальное, что необходимо для воинской части. Строгое расположение строений дополняла абсолютная чистота на всей территории. В общую гармонию немного не вписывались три БТРа, стоявшие недалеко от плаца за проволочным ограждением.

Нас разместили на втором этаже в здании напротив столовой в кубриках с двухъярусными кроватями и закрывающимися дверями. Первые два дня мы по большей части ничего не делали, кроме уборки в помещениях, чистки картофеля в столовой да редких построений, не было даже зарядки по утрам. Ждали остальных курсантов. Сержанты почти не обращали на нас внимание. За порядком следили "молодые" сержанты, те, что прослужили побольше, попили водку, крепкий чай(купец), бегали в самоволки. Отдыхали после предыдущего выпуска. На нас смотрели, как ещё не проголодавшиеся волки. Офицеров в эти дни я вообще не видел ни одного в роте.

На третий день нас построили на плацу. К строю подошёл незнакомый сержант, почти не приглядываясь, выбрал десять человек, построил в одну шеренгу. Я попал в их число.

-Пойдёте со мной. Дальше вам всё объяснят.

Оказалось, что в первой роте получился недокомплект, который дополнили нами. Первое, на что я обратил внимание, оказавшись на четвёртом этаже в новой казарме – отсутствие кубриков и двухъярусных кроватей. Мне это очень понравилось: просторно и светло. Это немного подсластило горечь того, что меня забрали от земляков.

Однажды, перед тем, как идти в баню, нам выдали чистые спальные принадлежности. Когда солдат раскладывал их, я заметил, что он сначала положил мне один комплект, потом заменил на другой. Я, взяв в руки наволочку, увидел, что она рваная. Не раздумывая, я поменял её на другую, с соседней кровати. Я даже не обратил внимание на то, чья это кровать. Друзей у меня здесь не было.

-Ах ты сволочь, – услышал я со стороны. – Ты зачем взял чужую наволочку? Повернувшись, я увидел долговязого воина из соседнего взвода:

-А почему я должен брать дырявую? И, вообще, тебе какое дело?

Его глаза вспыхнули, он подошёл и ударил меня кулаком в лицо. Я не был ошарашен и быстро ответил ему несколькими точными ударами. Я уже смирился с тем, что надо подчиняться сержантам, даже терпеть от них побои – от этого никуда не денешься, если хочешь закончить учебку, ведь командир всегда прав, в противном случае будешь ещё более бит, не будешь вылезать из нарядов, физподготовок, одним словом, жизни не дадут. Жаловаться, то есть стучать, считалось самым позорным поступком. Но я не терпел претеснений от солдат своего призыва. Долговязый с перекошенным лицом вновь кинулся на меня. Я, отскочив в сторону, зацепил кулаком его подбородок. На этом всё не кончилось. Неожиданно из коридора прибежали ещё несколько человек. Они всей гурьбой набросились на меня.

Трудно бы мне пришлось. Но к моему счастью, в казарме ещё находились люди. Они подбежали и нас разняли. Долго я потом думал об этом. Будь она неладна, эта наволочка. Я осознавал, что этот парень был прав, а не я. Чужое не тронь! Даже если оно ещё ничьё, но лежит не на твоей кровати. Этот урок я усвоил с первого раза.

Я затосковал. Из всех сослуживцев я более или менее общался с одним соседом по кровати. Земляков не было вообще. Все были чужие, приехали из других батальонов, в лесу с нами их не было. Успокаивало лишь одно: командир отделения был добрый парень, по уставу гонял, но курсантов не унижал. А это очень ценное качество для младшего командира.

Через некоторое время произошёл ещё один случай, после которого стало ясно, что служить в этой роте одному без поддержки будет очень нелегко. Произошло это в комнате для стирки обмундирования. В этой роте стирали по – божески. Даже были горячая вода и стиральные машины. Ребята, с которыми я подрался, решили продолжить неоконченную войнушку. Во время стирки один из них подошёл ко мне сбоку и неожиданно ударил по голове. В комнате было сыро и скользко, я потеряв равновесие, упал, но зная, что лежать нельзя, быстро вскочил и начал обороняться. Вновь пришлось защищаться от нескольких человек, и вновь спасло то, что расправиться со мной не позволили другие солдаты.

А доконал меня третий случай, произошедший в этом чужом для меня подразделении. На этот раз пришлось иметь дело с самим заместителем командира взвода, старшим сержантом Харитоновым. Я был дежурным в спальном помещении, убрался и зашёл в туалет помыться. Окно было открыто, и свежий летний ветерок с улицы манил своей свободой и лёгкостью. Я подошёл к окну и стал смотреть вдаль через забор на город. С четвёртого этажа он был хорошо виден, его многоэтажные здания напоминали о том, что существует другая, вольная, весёлая жизнь. Где молодые парни дружат с девчонками, снуют суетливые прохожие, гудят автомобили, где можно сходить, куда захочется и с кем хочется, купить, чего хочется, купаться, отдыхать. Одним словом, где живут и не зависят, как здесь, от людей часто глупее и скуднее тебя умом. Я вспомнил дом, родителей, уже начинавшую забываться, уже далёкую гражданскую жизнь

-Белов! Ты что здесь делаешь? Куришь?

За спиной стоял Харитонов. Я вздрогнул и вернулся в реальность бытия.

-Не курил я, товарищ старший сержант.

-Как не курил? Что стоишь у окна?

-Я же сказал, что не курил.

-Ты ещё , отказываешься? Я видел, как ты выкинул окурок.

-Не курил я.

Мне было очень обидно из-за несправедливых претензий.

Харитонову надоело настаивать. Наказание он ещё не придумал, руки распускал редко.

-Подойдёшь ко мне вечером после вечерней поверки.

С тяжёлым сердцем отстояв на поверке, когда рота улеглась по кроватям, я направился к замку. Я отслужил уже около двух с половиной месяцев и уже хорошо освоил армейские порядки. Но один из приёмов обращения никак не мог применять из-за его, как мне казалось, бестолковости. Чтобы подойти к старшему по званию, должности, нужно было сделать два огромных строевых шага, причём это относилось только к нам, духам, и сказать:

-Товарищ сержант, старшина, лейтенант, курсант такой-то по вашему приказанию прибыл. Вот эту-то процедуру я и не мог преодолеть. Я делал два обыкновенных полу строевых шага, но такое не позволялось. На этот раз и на свою беду я выбрал ещё более глупый вариант, я просто подошёл к кучке сержантов и встал возле них. Сержанты в это время пили крепкий чай из одной кружки по кругу и сначала не заметили меня.

Харитонов, наверное, уже и забыл про наш спор и про своё приказание, но повернув голову, увидел меня:

-А-а, Белов. Ты что не знаешь, как обращаться к старшему? Тебя не учили? Забыл? Вон, видишь выключатель? Подойди к нему и громко обратись: Товарищ выключатель, разрешите обратиться? Десять раз. Шагом марш!

Я подошёл к выключателю и десять раз сказал, что мне было велено.

-Почему тихо? Ещё десять раз.

Я молчал.

-Говори! – крикнул зам.

Вся рота наблюдала за происходящим. Я молчал.

-Говори! Говори! – глаза его загорелись. Он подошёл ко мне, взял табурет и медленно стал поднимать.

-Говори, – заорал он. Я молчал. Размахнувшись сверху, он из всей силы с размаху ударил меня табуретом. Больно обожгло грудь и руку, меня кинуло в сторону, но я устоял.

Сержант плюнул и, развернувшись, молча ушёл допивать купец. Я лёг на кровать, закрылся одеялом. Мне было плохо. Не от боли, от унижения и досады. Ко мне подошёл мой командир отделения:

– Белов. Ты ведь сам виноват, – сочувствующим тоном сказал он.

После этого случая я начисто потерял интерес к службе, хотя до этого в отделении считался одним из лучших и способных: на хорошо и отлично выполнял нормативы, быстро схватывал теорию. Несколько раз я встречался с Николаем Стародубцевым, он попал в специальный взвод второй роты. Взвод этот отличался тем, что там была более насыщенная программа обучения: готовили не только для обычной охраны, но и для конвоирования на транспорте, изучали рукопашный бой, больше бегали, стреляли не только из автомата, но и из пистолета. Были в этом взводе и занятия по устранению массовых беспорядков, для этого им выдавались дубинки, изучались разные виды построений и перестроений в боевой порядок.

Взвод был самым престижным в батальоне, но из-за больших нагрузок были те, кто хотели из него сбежать в другие взвода, роты. Вторая рота вообще была прозвана «фашистской ротой», потому что в ней были самые злые сержанты. Особенно помозки и деды, те, кто прослужили по году и по полтора: все были очень спортивные, с накаченными мышцами.

Но оптимист Стародубцев и здесь был спокоен:

-Вовчик, как у тебя служба? – спросил он однажды при встрече.

Я рассказал ему о своей проблеме.

-Жалко, что ты от нас ушёл. Ты слышал, нас к чему готовят? Служба в городе обеспечена, прокатаемся на поездах, в самолётах, не заметим, как дембель подойдёт.

Я завидовал ему, тем более, что помимо Николая, в этом взводе был ещё один земляк из нашего посёлка. И случай предоставился мне. В спецвзводе служил один воин, Кцзеури, которому там не нравилось. Ему хотелось более спокойной службы, а таковая как раз была в первой роте, где я служил, да и земляков его там было много. Он мечтал о первой роте, я – о второй. Как раз в первую роту потребовался барабанщик, за которым пришли во вторую. Короче, видимо, это была судьба. Во второй роте нашлось сразу несколько барабанщиков, к стати сказать, ни один из них ни разу не бил по настоящему барабану, разве что по кастрюле. Барабана с собой у выбирающих не было, поверили на слово всем, но повезло лишь Кцзеури, он приглянулся больше других. Его-то и привели в первую роту для обмена. Нас построили и сообщили, что в третий взвод второй роты требуется воин. Кто желает? Среди желающих оказался только я. В душе я прыгал от радости. Командир спецвзвода, лейтенант, подошёл ко мне, осмотрел, спросил:

– Подъём с переворотом умеешь делать?

-Умею.

-Покажи.

Турник стоял прямо у нас на этаже, рядом со спальным помещением. Я несколько раз перевернулся на перекладине без труда.

-Достаточно, пойдёшь со мной, – сказал лейтенант, довольный, что нашёл стоящую замену. Я потом пару раз видел, как Кцзеури стучал в барабан во время строевых занятий в такт вышагивающей роте. Надо ещё сказать, что я долго удивлялся потом, зачем первой роте был нужен барабанщик из второй роты. Всё – таки, что – то здесь было не так. Может, этого солдата специально таким образом перетащили в первую роту.

-Белов, ты зачем во вторую роту напросился? – интересовались удивлённые мои сослуживцы, – в спецводе гоняют их, как скаковых жеребцов.

– Там у меня друзья служат, – ответил я, довольный, что уйду из этой неполюбившейся мне роты

-Мужчина,– заметили стоявшие рядом дагестанцы из нашего взвода. Они распрошались со мной, как с настоящим другом, тепло пожали руку.

Но трудности, без которых не обходится жизнь в учебном подразделении были ещё впереди.

Командование задумало построить новое здание КПП, большое, в два этажа. Для этого уже начали рыть экскаватором котлован. Но когда ковш экскаватора углубился на несколько метров, оказалось, что внизу – твёрдые каменные породы больших размеров. Сразу же туда были отправлены мы. Нас вооружили ломом, лопатами и носилками. Работать приходилось подолгу, с короткими перерывами. Камень очень плохо поддавался ударам лома, да и выносить каменные обломки на носилках было нелегко. Во время работы стоять без дела никому не разрешалось, можно было получить ногой по животу или рукой по лицу. Измождённые, со стёртыми до крови от шершавого лома руками, приходили мы с работы, после чего всё шло согласно распорядку дня. Через две недели котлован был уже готов для закладки фундамента. Вряд ли кто –нибудь из работавших на этом объекте забудет, как прошли эти две недели его службы.

Вторая рота не случайно считалась лучшей в батальоне. Это было видно во всём: в занятиях, в дисциплине, в чистоте помещений и даже в движении строем. Сержантский состав делал всё для того, чтобы рота ходила лучше других. Часто прежде, чем войти в столовую, как говорят в армии, для приёма пищи, мы делали несколько кругов по плацу, чеканя шаг до тех пор, пока не надоест командиру. В результате нога при подъёме поднималась чуть ли не до пояса. Со стороны было смешно смотреть на таких солдат-роботов, но звук от удара сапог об асфальт был внушительным и был слышен далеко за пределами части.

Не менее своеобразно мы ходили в баню, которая находилась в двух километрах от батальона. Всю дорогу по улицам города мы шли полным строевым, чеканящим шагом, не забывая и про песни. Эффект был поразительный. Прохожие останавливались, с интересом наблюдали за нами, марширующими по городу, как на параде. Больше всех любил водить роту в баню прапорщик Гнедко, старшина роты. Как только ворота КПП оставались позади, он давал команду:

-Рота, стой! Равняйся! Смирно! Шаго-ом Марш! Раз, два, раз, два. Выше ногу.

Так задавался темп и ритм.

-Песню запе-вай!

Один из командиров отделения, молодой по призыву, сержант Крюков, любитель пения с сильным и звонким голосом, запевал:

-Ты с любовью сшитая, пулями пробитая, на кострах прожжённая серая шинель...

Затем те же слова хором подхватывал строй. Зеваки из гражданских были в восторге.

Как только, уставая, мы постепенно начинали уменьшать угол подъёма ноги, прапорщик давал команду:

-Стой! Кру-гом! Назад бего-ом марш!

Несколько десятков метров рота бежала назад, затем снова чеканила шаг. Помывка в бане много времени не занимала. Каждой партии моющихся давали не более десяти минут. Некоторые из-за своей нерасторопности по началу успевали только облиться водой.

Но, несмотря на трудную дорогу, непродолжительное мытьё, мы любили ходить в баню, потому что это был выход в город. Кто-то, у кого были деньги, успевал купить конфеты, печенье, не такие, как в военторге, доставалось и другим, кто-то успевал стрелкнуть у прохожих сигареты. Одним словом – глоток свободы, общения, окунания в гражданку. Обратная дорога была спокойнее, без бега назад, подъём ноги уже не был таким высоким, хотя, иногда это зависело от настроения командира.

Занятия по тактике чаще всего проводил командир взвода, лейтенант Слепнёв, маленького роста, с самолюбивым и гордым видом, большой любитель каратэ. Однажды он вывел взвод на поле для отработки норматива. Взвод должен был разворачиваться из походного строя в боевой и обратно.

Перед этим прошёл хороший летний дождь. Погода была тёплая и влажная, светило предобеденное солнце. Поле отливало ярко-зелёным цветом, усиливающимся от капель дождя, оставшихся на траве. Оно находилось в черте города, недалеко от батальона, его пересекали две дороги, покрытые большими грязными лужами.

По команде взводного отделения разбегались в разные стороны и выстраивались в цепь, норматив отработывался много раз. В один из разбегов по команде: «Ложись!» я оказался перед лужей и грязью, когда все резко залегли, промедлил, выбирая место посуше, затем упал.

-Взвод! Ко мне! – закричал взводный.

Мы выстроились в колонну по четыре, затем по команде повернулись налево.

-Курсант Белов! Вы почему не выполнили команду «ложись»?

Я растерялся:

– Товарищ лейтенант, там лужа помешала и грязь, мы вчера только постирались.

-Что-о? Лужа? Солдат боится лужи. Вы и в бою будете выбирать сухие места?

Лейтенант нашёл самую большую, глубокую и грязную лужу, подвёл меня к ней:

-Ложись!

Я упал, взяв в правую руку автомат за ремень.

-По пластунски вперёд, ма-арш!

Я пополз, почти полностью погружаясь в лужу, меся вязкий жидкий ил.

-Встать! – скомандовал лейтенант.

На лице его уже не было злобы, оно светилось каким-то мальчишеским озорством. Думаю, ему очень нравилась быть офицером, командиром. Он любил свою работу.

-Запомните, курсанты. Солдат, услышав команду командира, должен немедленно её выполнить, не взирая на то, где он находится: в луже или в дерьме. Чтобы не оказаться в дерьме по уши. А точнее, будет убит или подведёт товарищей. Ясно?

-Ясно, – ответил я, даже не пытаясь очистить мокрое обмундирование с налипшим толстым слоем грязи.

-Вот так вот. Рота! Разойдись. Пять минут перекур, затем идем в часть. Обедать пора.

Курсанты из моего взвода вроде без злобы начали подшучивать:

-Ну как, Вовка, почувствовал себя крейсером?

-Ему легче, он искупался, а мы потом истекаем.

Меня же мучила мысль, где и когда постираться, ведь каждая минута регламентирована. К счастью для меня, через час одежда высохла, и грязь я просто оттер. ХБ стало вновь чистым, но и этот урок я запомнил, пожалуй, на всегда.

Больше всего мы любили те дни, когда старшина привозил посылки. Для того, чтобы получить посылку, нужно было зайти в каптёрку, взять её после проверки прапорщиком содержимого. После этого необходимо было пройти трудный путь и желательно с как можно меньшими потерями. Сначала ожидал сержантский кордон, где уходила сразу четверть. Затем обступали курсанты из разных взводов. Со всех сторон доносились просьбы угостить. Иногда обладатель всеобщего соблазна просто, схватив посылку, уносился к себе в кубрик, но толпа, как правило, неслась за ним, если не вмешивались сержанты, конечно. Кто по умнее, получал посылку с друзьями, которые, образовав плотный заслон, уводили его от непрошенных нахлебников.

Я написал домой, чтобы мне ничего не высылали, потому что знал, что старания родителей не будут оправданы, мне мало что достанется. Но, меня не послушали. Несколько раз старшина называл и мою фамилию. Странные ощущения я испытывал в тот момент, когда получал маленький, но состоящий из частичек сердца родных людей, фанерный ящичек, в котором рукой мамы были уложены любимые мною вкусы и сладости.

Настал день, когда нас вновь посадили в ЗИЛы, чтобы по уже знакомой дороге доставить на не менее знакомый для меня учебный пункт в тайге. Комбат любил красивую езду. Сколько я служил в сержантской школе, мы всегда ездили так:

На каждом крупном перекрёстке выставлялся курсант из роты командиров автоотделений в синем комбинезоне и белой каске, в белых крагах, с белым ремнём, с автоматом на груди и белой с чёрными полосами палкой в руках. Они выполняли функции регулировщиков. Перед тем, как приближалась колонна, они делали нам коридор, то есть останавливали движение на перпендикулярных улицах. Впереди колонны, как на лихом коне, мчался комбат на своём УАЗике с включённой сиреной и мигалкой. За ним проносилась на скорости колонна ЗИЛов -131 с тентованными кузовами.

Такая езда нам нравилась. Во всяком случае это вносило хоть какое –то разнообразие в монотонную заборную, одноликую жизнь.

В этот раз дорога до летнего лагеря не показалась долгой. Не было слякоти, грязи, машины без труда доставили своих пассажиров до места.

-На полтора месяца,– грустным голосом проговорил Николаев, белобрысый парень в очках, который в строю стоял впереди меня, и которому я часто наступал на пятки во время движения, на что он всегда говорил:

-Блин, Белый, достал, что на полусогнутых ходишь, все пятки отдавил.

Но, он долго не обижался, мы были хорошими товарищами.

-Да всего-то на полтора. Разве это много?– заметил кто-то.

-Да вы только представьте, за эти полтора месяца мы всему уже научимся, -вот гонять будут, -заметил Шубин, тоже из моего отделения.

-Не бойсь, отцы служили и нам велели. Это тайга, а не Афган,– успокоил его оптимистичный Николай Стародубцев.

И начался ещё один таёжный этап в жизни моей и моих сослуживцев.

Была вторая половина лета. Небольшие поля возле нашего лагеря поросли густой, зелёной, мягкой травой, обдающей запахом свежести и спокойствия. Особенно сильно он чувствовался по утрам, когда во время зарядки мы, пробегая 4-5 километров, возвращались в лагерь бодрые и взбудораженные, надышавшись чудодейственным воздухом жизни и силы. Смешанный лес, ставший уже чем-то вроде природного дома, давно не настораживал своей величавостью и отчуждённостью. Игривые берёзки, гордые и раскидистые дубы, пышные и высокие сосны обдавали прохладой, обилием лесных запахов и вселяли какую-то умиротворённость. В таких местах бы стихи писать и думать о любви, о смысле жизни. О чём только не думается среди прекрасных русских лесов, вдохновляющих своей уверенной красотой и жизнеутверждающей силой.

Но, на фоне этой красоты и спокойствия одна беда не давала нам покоя – комары. Крупные. Серые и рыжие, они набрасывались на нас стаями, впивались обжигающими иглами. Офицеры и сержанты пользовались мазями, нам же приходилось терпеть. Эту особенность младшие командиры с успехом использовали для воспитания подчинённых. Так обычная вечерняя проверка становилась для нас в своеобразную проверку на терпеливость.

Уже через несколько дней повторного пребывания на нашем маленьком полигоне мы возненавидели это мероприятие.

Постирав, выгладив и пришив белый подворотничок, начистив сапоги и бляшку ремня и, таким образом, подготовив себя к вечернему осмотру, я расположился в курилке, и, достав папиросу из почти полной пачки "Беломорканала" (только вчера Шубин получил посылку), закурив, с удовольствием затянулся и погрузился в себя, отвлекшись от всего, что окружало.

-Кто сегодня проверку будет проводить?– вывел меня из полусонного состояния внутреннего полёта голос Николаева.

-А я откуда знаю, – неохотно ответил я, – сегодня кто дежурным по роте заступил? Ты же не первый день в армии.

-По-моему, Корякин из второго взвода, на тумбочке вроде из его отделения пацан стоит.

-Ну вот, можешь посыпать себя перцем, сегодня у комаров будет пир.

Сержант Корякин был одним из самых одержимых курсантотненавистников. Прослужив год, он не был поборником устава по отношению к себе: любил выпить, бегал в самоволки

(здесь до ближайшей деревни было около семи километров). Был очень развит физически, гордился сильными, накаченными руками.

Сегодня он был как всегда спокоен и подчёркнуто опрятен. Построив роту в две шеренги, он начал вечернюю поверку:

-Равняйся!

Мы подались вперёд, чуть не падая, держась на носочках, повернув голову вправо, высоко подняв подбородки. Пауза секунд десять.

– Смирно!

Мы замерли. Ещё более продолжительная пауза. Нас облепили комары. Наши лица, руки, шеи (даже ХБ их не останавливало). В нас вонзались, опять вонзались, их кровеохотливые хоботки. Кто-то из курсантов не выдержал и быстро смахнул с лица комаров.

-Отставить! Вольно. Движения в строю. Равняйся! Смирно!

После продолжительной паузы:

-Слушай список вечерней поверки: Абдуллин

-Я!

-Абубакиров

-Я!

-Аврамов.

-Я!

-Агаркин.

-Я!

Баязитов.

-Я!

Белов.

-Я!

-Боков

-Я!

Когда он дошёл до середины списка, кто-то вновь не выдержал и, казалось, незаметно смахнул комара.

Отставить. Вольно. Пауза.

-Равняйся! Смирно! Слушай список вечерней поверки...

В этот раз поверка была проведена с четвёртого раза, когда строй замер подобно монолитной железобетонной стене. После поверки Корякин потребовал исполнение гимна Советского Союза.

Перед отбоем я, почёсываясь, подошёл к Николаеву:

-Ну как? Много крови сдал?

-Блин, Вовка, руку до крови расчесал, не помогает.

-Смотри, а то потом будешь на перевязку бегать.

Климат в этих краях летом влажный, поэтому даже небольшие ранки быстро увеличивались, нарывали, долго заживали.

Не менее интересна, чем комары, была и мошкара. Цапнет в губу – губа опухнет, цапнет под глаз – опухнет под глазом. У меня накусили ногу внутри сапога, я расчесал, потом долгое время ранка оставалась открытой, не заживала. Хотя я и находился всё время в строю, хлопот она мне доставила немало.

После того, как давалась команда отбой, у нас минут десять-пятнадцать были разного рода физкультурные упражнения.

-Отбой!

Отбились.

-Подъём! Форма четыре.

Поднялись, оделись. Снова отбой. И так в зависимости от настроения командира отделения или замкомвзвода. Потом ложились на живот, ставили ступни ног на подушки кроватей и отжимались по счёту: «Раз,.. два,.. раз,.. два..». Одеваться и раздеваться давалось как везде в армии-45 секунд. Иногда зажигали спичку. Говорили, что она горит ровно 45 секунд. Часто "писали письма домой", выводя прямыми ногами буквы: "Здравствуй, Маша... Пишу тебе письмо из армии. Служба у меня хорошая, мне нравится..." Ну, и так несколько предложений в зависимости от фантазии и чувства юмора отцов -командиров, у наших и того, и другого было мало.

Понемногу мы вовсе освоились с жизнью в лесу, особенно те, кто был здесь, как я, на КМБ. Тем более, что погода была хорошая, тёплая. Правда, довольно часто шли дожди, но это не помеха. Иногда, благодаря непогоде тактические, например, занятия заменялись теоретическими. Тяжело было в непогоду только дневальным, которым приходилось с утра до глубокой ночи возить мокрой тряпкой грязь по длинному коридору, много, много раз меняя воду. Полы всегда должны были блестеть чистотой.

Ночи стояли тоже тёплые, безветренные, настолько светлые, что глубокой ночью казалось, что это обычный вечер, вот только солнце зашло.

Но вот от чего мы действительно страдали, так это от постоянного чувства голода: днём ли, ночью ли, перед приёмом пищи, после приёма пищи – постоянно хотелось есть. В батальоне в Красноярске кормили сравнительно неплохо, хотя и давалось очень мало времени для приёма пищи. Здесь же еды вообще не хватало, а нагрузки были большими, да ещё и свежий лесной воздух разжигал аппетит. Интересно было наблюдать за теми, кто уезжал по разным причинам в батальон на неделю-полторы. Оттуда они приезжали сытые, лоснящиеся, с округлившимися лицами. Через неделю они становились такими же, как остальные – с впалыми животами, скуластыми осунувшимися лицами, ребристыми боками.

В один из воскресных дней меня в очередной раз назначили уборщиком в помещении взвода, но до завтрака я не успел вымыть пол. Пол был деревянный, крашенный, мыть приходилось с мылом, много раз меняя воду.

-Ладно, – сказал замкомвзвода, старший сержант Востриков, – быстро позавтракать и , пока остальные будут есть, чтобы всё домыл. Понял?

Так точно, -ответил я, выжимая мыльную грязную тряпку.

Пристегнув котелки к ремням, строевым шагом, гремя ложками и кружками, находившимися внутри котелков, рота отправилась в пресловутую, так называемую, нашу столовую под навесом. Процесс приёма пищи был непростым. Каждый взвод выстраивался в колонну по одному и солдаты по очереди подходили к поварам возле полевых кухонь. В котелок наливалось немного первого блюда, часто туда не попадало ни одной картошечки, в крышку от котелка – второе, каша с кусочками сала или тушеный картофель. Это занимало пол крышки. Наливалось пол кружки чая и давалось три кусочка быстрорастворимого сахара. Продукты привозились на машине не каждый день, едоков было много, приходилось экономить.

Когда весь взвод получал всё необходимое и размещался за столами возле скамеек, за каждым столом по двадцать человек, давалась команда :

-Садись! Приступить к раздаче пищи.

Вставали раздатчики пищи, что сидели с краю возле сержантов. На столах лежали две буханки белого хлеба, неравномерно порезанные, каждая на 10 кусков, и стояли по две железные чашки со сливочным маслом. По нормам положенности масло должно выдаваться двадцатиграммовыми шайбами, но про это здесь никто и не вспоминал.

С каждого стола дежурный по роте во время заготовки пищи отхватывал по небольшому кусочку для себя, немного брали солдаты из хоззвода. Когда усаживался взвод, два сержанта возглавлявшие стол с двух сторон, брали масло в необходимом для них количестве. Поэтому перед раздатчиком стояла трудная задача: разделить масло так, чтобы хватило всем. Сначала он спокойно брал ложкой масло и клал на подставляемые кусочки хлеба. Но затем самопроизвольно курсанты начинали вставлять, протягивать свои куски хлеба, и сначала тихо, затем сильнее говорить: «Дай мне», «Положи мне», «Мне», «Серёга, дай мне», – боясь, что им не достанется. Шум всё усиливался и в считанные секунды превращался в гвалт; «Дай мне! дай мне!».

-Встать!– кричал сержант.

Все вставали, резко замолкали.

-Приступить к раздаче пищи!

Приступали. Через некоторое время опять шум.

-Встать!.. Приступить к раздаче пищи.

Такое было постоянно, каждое утро. Я в строю располагался в таком месте, что за столом оказывался в самом конце от раздатчика, мне всегда доставался кусочек масла размером с горошину, и на всех приёмах пищи – самый тонкий кусок хлеба. Вообще, солдатам положено было давать кусок белого и кусок чёрного хлеба, почему в лесу нам давали лишь по одному куску белого, осталось загадкой.

От такого питания я еле ноги носил. Давно забыл, как выглядит мой пупок, живота своего тоже не видел, а из зеркала на меня смотрел какой то уродец с широким лицом вверху и резко, резко уходящим к низу, напоминающим треугольник острием вниз.

В этот раз я, как всегда, получил свою сливочную горошинку и кусочек хлеба толщиной в сантиметр. Ох уж эти хлебoreзы, не для себя резали. Был, как я уже сказал, воскресный день. Поэтому каждому выдали по два варёных куриных яйца. Только ради этого уже стоило ждать воскресенья. Я очистил яйца, зачерпнул ложкой из котелка.

-Белов! Ты ещё здесь?– услышал я резкий голос. Возле стола стоял Востриков. Он уже позавтракал.

-Товарищ старший сержант, мы только начали есть, -жалобно ответил я.

-Ты ещё здесь, спрашиваю? Встать!

-Но я ещё не поел...

-Марш в расположение роты, я сказал!

Я был очень голоден, к тому же целую неделю ждал воскресенье. Я не двигался с места в растерянности.

-Ты меня не понял что ли пингвин? Во взвод я сказал!

Он пролез ко мне между солдатами на скамьях, вытащил меня из-за стола и, ударив кулаком по голове, стал надвигаться, чтобы ещё ударить. Я стал пятиться. Попытался ударить меня ногой, я отбежал.

-Вперёд! Сгною в нарядах!

Я развернулся и пошёл в расположение роты.

Быстрее, бегом!– Востриков двигался за мной, подгоняя.

-Я не поел, – твердил я огорчённо, однако шёл ускоряя шаг, зная, что в противном случае получу пинок под зад.

– В обед поешь.

После завтрака мне принесли мой котелок с кружкой и ложкой, чистенький, отёртый песком и вымытый холодной водой.

«Что ж солдат должен уметь бороться с голодом, слабак, чуть не расплакался»,-думал я, вспоминая почищенные куриные яйца, гречневую кашу и глотая слюну.

Но неприятности, связанные с едой, на этом не кончились, видно такой уж был день. Обычно сержанты, которые ели от пуза, оставляли после себя недоеденные куски хлеба. Курсанты, проходя мимо столов, незаметно хватали эти куски и совали в карманы. Это было рискованно, хлеб носить в карманах не разрешалось категорически. Поэтому старались действовать наверняка, чтобы никто из сержантов не заметил. Но это не относилось ко мне, уже привыкшему к опале.

После ужина, проходя мимо соседнего стола, я увидел отличный кусок хлеба, даже не откушенный. Я не посмотрел по сторонам, а следовало бы, быстро схватил кусок хлеба и сунул в карман.

– А..., услышал я довольный голос Горюнова, тоже сержанта, радостного, что ему удалось уличить вора,– ну– ка покажи карман.

-Вовка, что ты делаешь? На тебя же чуть ли не в упор смотрели, – посетовал Шубин.

-Что такое?– слышался голос Вострикова.

-Да вот, курсант не наедается, хлеб ворует.

-А-а-а. Опять Белов. Ладно. Горюнов, веди роту, я сейчас.

Замок посадил меня за стол и, пододвинув кастрюлю с рисовой кашей, положил в крышку от котелка так, что каша стала вываливаться, пододвинул её ко мне.

-Ешь.

Я стал есть.

-Быстрее ешь.

После того, как крышка вновь стала пустой, зам положил ещё столько же.

-Ешь.

Я стал есть, уже медленнее.

Быстрее ешь!

Я съел и эту кашу.

-Ничего, будем есть до сыта, – заключил Востриков, накладывая в третий раз.

-Ешь.

Я сидел, не двигаясь.

-Ешь... Ешь... Ешь, я сказал.

Я вспомнил первую роту и выключатель, сидел не двигаясь. Востриков подвинул к себе крышку и, зачерпнув оттуда кашу ложкой, стал бросать её мне в лицо:

-Будешь есть? Будешь есть?

Когда ему это надоело, и он понял, что я есть больше не буду, он скомандовал:

-Встать!.. Смирно!.. Шаго-ом марш!.. Стой! Упор сидя принять, в полном присяде... марш.

Когда я гусиным шагом дошёл до своего барака, Востриков оставил меня в покое. Я подошёл к курилке и в состоянии полного равнодушия ко всему, сел возле неё.

– Не переживай, Володь, ты же знаешь, они если накинутся на одного, то задолбают,– сказал Коля Стародубцев.

-Да пошли они, сволочи, мне похрен. Убежать что ли отсюда куда – nibудь?

-Куда убежишь? В лес? Да всё равно же никуда не денешься.

Мою идею, которой я в горячке поделился со Стародубцевым, осуществили двое из милицейской роты. Была у нас и такая. Такие же как мы, только из милицейского батальона, который находился в Красноярске с нашим за одним забором.

Они жили на нашей территории, только в палатках. Носили форму не солдатскую, ХБ у них было милицейское тоже, мышиного цвета. Однажды после отбоя эти двое незаметно юркнули в кусты, потом в лес, предварительно запаслись водой и небольшим количеством продуктов. На следующий день их начали искать. Беглецы решили идти в сторону Красноярска, но не по дороге, а по лесу. Пятьдесят километров вроде бы и немного. Через пять дней их случайно нашли на одной из дорог, они прямо вышли на УАЗик нашего комбата. От счастья они готовы были целовать и комбата, и его шофёра, и даже диски на колёсах машины. Всё очень просто. Они заблудились в лесу и долго плутали там в радиусе десяти километров, изголодавшиеся, искушенные комарами. Их выгнали из учебки и отправили служить рядовыми в конвойный батальон в глухой тайге. С одним из них мне в дальнейшем пришлось служить в шестистах километрах севернее Красноярска. Я тогда уже был сержантом, а парень – рядовым связистом и нисколько не жалел об этом. Служба у него была в тепле, непыльная.

Упор в занятиях у нас делался на тактику, ЗОМП(защита от оружия массового поражения), огневую, физическую, специальную подготовку. Устраивались марш-броски в полной боевой экипировке: в касках, с вещмешками и т.д. Стреляли часто: из автоматов, пистолетов. Отрабатывались тактические нормативы, рылись окопы. Мы бегали и ползали в ОЗК(общевойсковой защитный комплект) и просто в противогазах. Уставали, конечно. И по-прежнему не хватало еды.

Однажды в лес приехала бригада медиков, чтобы собрать донорскую кровь. Нас построили и объявили, что кровь будем сдавать по желанию. Затем замкомвзвода сообщил, что, кто не будет сдавать кровь, будет во время самоподготовки заниматься на полосе препятствий, а остальным – два часа сна. Правда, среди нас и так не было желающих уклониться от этого.

Тем более, что, во – первых, было сказано, что кровь нужна афганцам, а, во – вторых, были обещаны каждому сладкий горячий чай вволю и плитка шоколада.

После всего этого трудно было бы найти придурка, отказавшегося от чая, шоколада и сна, ради сохранения двухсот грамм крови.

Кровь принимали молодые девчонки лет двадцати.

-Год рождения?– спросила у меня симпатичная медсестричка, когда я лежал на кушетке.

-Шестьдесят четвёртый.

-Какие все молодые...

После того, как я напился чаю, вышел на улицу и, присев на скамейку к своим сослуживцам, с удовольствием откусил кусочек от плитки. К нам подбежали дети офицеров, приехавшие на выходной из города. Им было лет по двенадцать.

-Дядь, дай шоколадку, – спросил один из них у одного из наших. Дядя был старше мальчика лет на шесть.

-Ага, жди, я за неё кровью заплатил, – спроси у отца, он тебе три такие купит.

-Солдат, дай шоколадку, – спросил у меня один из пацанов. Мне было по-детски жаль шоколадку. Но, было и стыдно отказать ребёнку. Я отломил половину шоколадки и отдал мальчику.

Насчёт двух часов отдыха нас обманули. Через тридцать минут после того, как весь взвод сдал кровь, были продолжены занятия по расписанию -физподготовка на полосе препятствий. Мы поворчали, повозмущались немного от того, что нас надули (кто просил их обещать) и побежали вслед за своими командирами.

Коля Стародубцев заболел воспалением лёгких и на три недели уехал в госпиталь. Но у меня уже появились товарищи и помимо него, с которыми мне легче было переносить эти первые месяцы службы.

На губах у меня всё чаще стала появляться улыбка. И сержанты стали как-то по-другому относиться ко мне, как-то с полушуткой. Привыкли, наверное. Я часто попадал в различные истории, прослыл залётчиком, чаще других ходил в суточные наряды дневальным, в кухонные-рабочим, часто назначался уборщиком в помещении взвода. Но, я уже привык к этому. И в разговоре между сержантами иногда можно было услышать: пресловутый Белов.

Однажды во время стрельб при выполнении норматива: стрельба в движении с колена по грудной и ростовой бегущей мишени из автомата, уничтожение окопа броском гранаты, – я один из отделения выполнил его на отлично.

-Молодчина, Белов! Человеком становишься, а то всё больше на тройки стрелял, – подбодрил меня Востриков, – я из тебя сделаю хорошего сержанта.

Но, буквально через час я отстрелялся на два из пистолета.

-Ах, Белов, Белов, – расстроился Востриков, – что с тобой делать? Придётся тебе поползть в противогазе, пистолет-это тоже оружие, может, у тебя как раз будет основным. И я вместе с другими горе – стрелками тридцать минут, правда, с перерывами ползал по пластунски в противогазе. Таково было наказание для двоечников.

Я всё чаще стал брать в руки гитару, в результате подружился с молодым сержантом из второго взвода Осеевым, тоже гитаристом (ровно на столько, на сколько возможна дружба в учебном подразделении между сержантом и курсантом). Я выделялся среди других курсантов, но не умением, не старанием, не исполнительностью, а какой-то бесшабашностью, полудетской непосредственностью. Сержанты знали, чтобы заставить меня что-то делать хорошо, надо приложить усилия и смирились с этим.

Однажды меня и Николаева поставили дежурить на стрельбище возле пульта управления. Зачем и почему так и не поняли ни я, ни он. Пошёл проливной дождь. Мы промокли до нитки в своих ХБ и не могли дожидаться смены.

-Серёга, сколько мы ещё будем мокнуть, я уже дрожу,— спросил я, зная, что не получу ответа.

-Не знаю, я о своём думаю.

-О чём?

-О доме. Дома на кухне стоит холодильник, битком набитый жратвой всякой, там и колбаса, масло. У нас колбаса никогда не выводилась.

-Кончай ты, нашёл о чём говорить. Тут дождь льёт, холодно, и так жрать охота, а ты колбаса, холодильник битком набитый.

-Нет, я серьёзно, -заулыбался Николаев,— хочешь поджарь колбаску, хочешь, чай с маслом пей, с батоном.

-Да пошёл ты...

После того, как мы простояли четыре часа, за нами пришли.

-Эй, Николаев, Белов,— услышали мы голос приближающегося Горюнова,—бегом сюда.

Радостные, мы побежали к нему.

-Вы чего тут стоите?

-Как чего? Нас же на пост поставили.

-Про вас забыли, потеряли вас. Ладно Осеев видел, как Федорчук вас на стрельбище увёл.

Федорчук был нашим командиром отделения.

-А где же сержант Федорчук?

-Да где-то чифирь пьёт. Дождь ведь идёт.

До казармы мы помчались наперегонки с ветром.

-Да, вот так отдали четыре часа Родине,– заключил Николаев, плюхаясь на табурет, ёжась в насквозь мокрой одежде.

-Эй, Белов,– услышал я,– возьмите купчика горячего, попейте.

В дальнем углу молодые сержанты пили крепкий чай, Осеев выделил для нас кружку горячего чая и пару карамелек.

И вот полтора месяца, которые так настораживали нас в начале, остались позади. Вновь нас посадили на теперь уже родные ЗИЛы и довольных повезли в город, в батальон. Гордые, одетые по полной боевой форме, в касках, радостные, что покидаем учебный пункт, где так ни разу и не наелись до сыта, разве что в кухонных нарядах немного, сидели мы в кузове машины, и те из нас, кто как и я, находились возле заднего борта рядом с сержантами, с нетерпением ждали, когда машины въедут в город, и мы сможем с высока, строгим, мужественным солдатским взглядом посмотреть на гражданских.

Вновь впереди мчался на своём УАЗике с включенной сиреной комбат, на перекрёстках стояли в синих комбинезонах и белых касках наши курсанты-шофера, но совсем другое чувство испытывали мы, теперь мы ехали в город, в батальон с настоящей столовой, настоящими казармами, где хоть и по ту сторону забора, но рядом ходят гражданские люди, гудят троллейбусы, автобусы – кипит, бурлит жизнь. Теперь мы почти всё умеем.

-Ну что, Серёга,– обратился к Николаеву Стародубцев, неделю назад выписавшийся из госпиталя,– теперь всему научился?

-Ну я же не сачковал на больничной койке, вон ты ряху какую наел, за неделю-то не успела опасть,– заключил Николаев.

-Парни,– заговорил вдруг Шубин, – а ведь скоро малый дембель, нам в учебке – то осталось немного служить.

-Какой там немного, – вставил Николаев, – до конца ноября ещё ой – ёй –ёй сколько.

-Но теперь уже так гонять всё равно не будут, – подитожил разговор оптимистичный, всегда невозмутимый Коля Стародубцев.

Я был погружён в свои мысли и лишь краем уха улавливал разговор, непроизвольно соглашаясь или не соглашаясь со своими товарищами.

«До дембеля ещё далеко,– думал я, -хоть одним глазом бы посмотреть , что там дома делается. Кажется, что уже столько прослужил, а ведь это ещё только начало. И куда я рвался? Гулял бы сейчас с девчонками. Где сейчас Светка? Дружит с кем –нибудь, наверное. Писать

не захотела. А может, и лучше, что я не переписываюсь с девушками, хоть душу никто не теребит».

На мосту мы увидели солдата, который шёл в парадной форме с чемоданчиком в руках. Он помахал нам рукой. Ему ответили тем же.

-Приехали, – сказал зачем-то Федорчук.

Часовой КПП закрыл за нами наши зелёные ворота.

В нашем взводе служили солдаты разных национальностей: башкиры, русские, украинцы, татары, несколько осетинов, несколько чеченцев, узбек, казахи, еврей, немец. Вообще, забегая наперёд, скажу, в армии я увидел представителей стольких национальностей, сколько ни ранее, ни потом никогда уже не довелось повстречать. Вот уж где действительно ощущался интернационал нашей страны, так это в Советской армии.

Один малый плохо разговаривал по-русски. До призыва проживал в горном ауле, выезжать никуда не приходилось, с детства разговаривал только на родном языке. Когда он был дневальным, мы не раз слышали такие команды, что становилось просто весело:

«Рота... строиться на казарма!», «Рота... подъём, катастрофа (тревога)!».

Очевидно, его словарный запас был намного богаче, чем казалось на первый взгляд. Иногда возникало сомнение: он серьёзно вообще или шутит? За время обучения в сержантской школе он довольно сносно научился изъясняться на сложном для него языке, и когда кто-либо начинал подшучивать над ним, напоминал ему его своеобразные речевые обороты, он часто отвечал:

-А иди бы тебе на фиг,– и вопросительно глядя на воина, наклонив голову, добавлял,– А?..

При этом иногда вставлял словечки, не очень цензурные по употреблению. Он отличался тем, что не проявлял ни малейшего интереса к службе и при любом удобном случае старался где-нибудь спрятаться и поспать. Он был добрый пацан, отчасти даже доверчивый, у нас все уважали его, любили с ним поговорить, зная, что он что-то выкинет новенькое, без злобы смеялись над его выражениями.

Я за время службы во второй роте сдружился со многими, особенно с курсантами из нашего взвода, но никак не мог наладить отношения с одним парнем из своего же отделения, Санаевым. Этот солдат, обладая прекрасными физическими данными (он был выше меня ростом, весил около девяноста килограммов и с лёгкостью выполнял самые сложные упражнения на турнике, например, «крутил солнце»). Так получилось, что у него было много земляков и знакомых среди курсантов нашей и других рот, среди старослужащих из хозвзвода. Сам по себе он был нормальный парень, но хотел, чтобы мы подчинялись ему, приблизительно так же, как сержантам.

Я же, верный своим принципам, не мог с эти смириться и между нами стали возникать небольшие конфликты, постепенно переросшие в ссору. Сам по себе он побаивался в общем-то только того, что в случае серьёзного конфликта его исключат из учебки, оправят служить рядовым. А это было для нас как бы унижительным, такие представлялись всем вроде неудачников, да и в линейных частях труднее было потом самоутверждаться. Мне он сказал однажды:

- Подожди, вот сдадим экзамены, я с тобой поговорю по-другому. Это звучало угрозой и вовсе не пустыми словами.

Я знал, что мне надеяться не на кого, кроме себя. Коля Стародубцев в таких случаях не помощник, он вообще не любитель всяких эксцессов.

Но развязка наступила гораздо раньше, чем я ожидал, и произошло всё довольно просто. Однажды во время чистки картофеля в столовой Санаев откровенно стал придирается к одному из бойцов, Неёлову, невысокому, щуплому, явно уступающему в физической силе.

- Ты что так медленно чистишь, – сказал Санаев Неёлову, – вот видишь куча? Чтобы через десять минут она была почищена.

Солдат продолжал молча чистить картошку. Причём сам Санаев почти не работал. Он то выходил, то заходил, то разговаривал с кем-либо, изредка подсаживаясь к ванне с картошкой. Через некоторое время он снова подошёл к Неёлову:

- Ты меня не понял? Я же тебе сказал, чтобы куча была почищена, а ты не сделал. Вот тебе ещё столько же, – он подгрёб часть картофеля в ванной поближе к воину.

Неёлов по-прежнему молчал, сосредоточившись на картофелине, которую держал в руках. Остальные тоже молчали, делая вид, что ничего не происходит. Я не выдержал:

- Что ты к нему привязался? Каждый чистит, как умеет.

Санаев, не ожидавший того, что кто-то посмеет ему перечить, сначала бросил на меня недоумевающий взгляд. Затем произнёс:

- А что здесь кто-то недоволен?

- Я недоволен, – спокойно ответил я ему, но сердце заколотилось. Я знал, что этим всё не кончится.

– Что ты к нему пристал? – продолжил я.

- А, вот оно что. Ну пойдём на улицу, поговорим, если ты такой смелый.

- Ну пойдём.

На улице было уже темно. Мы встали возле служебного входа в столовую.

-Так ты чем-то не доволен? – вновь спросил он.

-Я уже сказал, чем.

Санаев думал как поступить. В нескольких шагах от нас стояли солдаты хозвзвода: повара, строители, прослужившие по полтора года.

-Что случилось, -Альберт?– спросил у Санаева старший повар.

-Да вот, воин чего-то хочет.

Старший повар подошёл и два раза ударил меня в лицо.

-Зачем ты, Эдик? – сказал Санаев с благодарностью в голосе,– я бы сам с ним разобрался.

-Ну, ты доволен?– обратился Альберт ко мне.

-А что ты чужими руками дерёшься?

-Если надо, я и сам могу. Ладно, ещё поговорим, сказал он и отошёл к солдатам хозвзвода, стал с ними о чём-то беседовать.

Возвратившись в комнату для чистки картофеля, я молча сел на своё место и принялся за работу. Подошёл и Санаев:

-У тебя ещё есть вопросы?

-Пока нет.

Отыгравшись на мне, Санаев больше не обратил внимания на Неёлова, как будто того и не было.

На следующий день во время самоподготовки я и ещё несколько человек стояли у двери в казарму со стороны пожарной (запасной) лестницы и курили сигареты. Своих сигарет ни у кого не было, стрельнули у других. К нам подошёл курсант из соседней роты, попросил закурить.

-Нет у нас, – за всех ответил Стародубцев.

Курсант окинул нас взглядом, сказал:

-Курите, а говорите, что нет.

Он подошёл ко мне и стал ощупывать мои карманы.

-Куда лезешь?– зло проговорил я и оттолкнул его.

-О, да ты борзый,— сказал он и несильно ударил меня ладонью по лицу.

Я ответил ему тем же. На этом бы всё и закончилось, парень оказался не из любителей подражаться.

-Ты кого ударил? Ты моего лучшего друга ударил,— раздался вдруг голос Санаева, непонятно откуда взявшегося. Я понял, что сейчас что-то произойдёт и сосредоточился. Санаев приблизился ко мне и вдруг резко и быстро стал размахивать кулаками, нападая на меня, пытаясь попасть по лицу. Он напирал своей массой. Мне ничего не оставалось делать, как защищаться и отступать. Он оттеснил меня к стене и обхватив руками горло, навалился всем телом и стал душить. Я начал задыхаться, кровь ударила в голову, непроизвольно я издал протяжный пискливый звук, сам того не желая:

-И-и-и...

-Что ты делаешь, Альберт? Задушишь!— испуганно проговорил его друг. Но Санаев, вытаращив глаза, всё сжимал моё горло. Что-то на него нашло. Я уже почти начал терять сознание, но инстинкт самосохранения выдал решающий импульс. Не осознавая своих действий, я резко и сильно ударил правой рукой по рукам Санаева. Занятия рукопашным боем, проводившиеся в нашем спецвзводе, оказались не напрасными. Он всем телом отлетел в сторону, теряя равновесие, зацепив меня ногой. Он оказался в согнутом состоянии, чтобы не упасть, упёрся руками в пол. Я подбежал к нему, и, обхватив его голову рукой, придавив телом, расположился так, чтобы он не мог схватить меня за ноги, другой рукой начал лупить его снизу. Альберт был несколько ошарашен, руками он ничего не мог сделать, не доставал, я хоть и намного меньше весил, положение у меня было выигрышное. Неизвестно, чем бы это закончилось, но очевидно мы подняли большой шум.

-Атас, сержанты,—крикнул кто-то из солдат.

По лестнице бежали Осеев и Федорчук. Я быстро выпустил Санаева из своей хватки.

-Что здесь происходит?— строго спросил Федорчук. Он оглядел меня и Санаева, наши лица были красные, гимнастёрки не заправлены, оба тяжело дышали.

-Дрались?

-Не дрались мы, товарищ сержант, боролись просто.

-Боролись? У тебя шея расцарапана. Оба за мной!

Мы поднялись на второй этаж. Федорчук подвёл нас к Вострикову.

-Вот, драчуны объявились.

-Не дрались мы, — чуть ли не в один голос ответили мы.

-У вас лица вон в ссадинах. Царапались что ли?

-Не дрались и не царапались, -ответил Санаев.

-Ладно, я вижу, как не дрались, сейчас я напишу рапорт на имя командира роты. Вы будете исключены из школы и завтра же поедете рядовыми в линейные роты.

Я молчал.

-Товарищ старший сержант, зачем отчислять, зачем в линейную роту? Не надо,— сказал Санаев. Замок внимательно посмотрел на него:

-Хорошо, Белов иди, Санаев останься.

Не знаю, о чём они там беседовали, но со стороны сержантов никакого наказания вообще не последовало. Что для такого случая было редкостью. Однажды, ещё в тайге, я подрался с одним из-за табуретки, так, ударили друг друга по разу, дело было перед отбоем, и вместо того, чтобы лечь спать, пол ночи с ним полы мыли в коридоре.

Вечером, когда мы готовились к вечернему осмотру, брились, пришивали подворотнички, ко мне подошёл дневальный свободной смены:

-Подойди к выходу, тебя там спрашивают.

-Кто меня может спрашивать?

-Я откуда знаю, парень какой-то не из нашей роты.

Я подошёл к посту дневального. У входа стоял неизвестный мне пацан небольшого роста.

-Чего тебе?— спросил я.

-Пошли со мной, поговорить надо.

Мы вышли на улицу, было уже темно.

-Пойдём со мной,— сказал парень, направляясь за казарму. Было тихо и безлюдно. Я пошёл за ним, догадываясь, в чём дело.

Как только зашли за угол, я увидел утреннего знакомого из другой роты.

«Опять двадцать пять»,— подумал я. Он резко дёрнулся, от неожиданности я схватил его за руки.

-Отпусти руки!

Я отпустил, не сразу, слегка трухнул. Оттолкнул от себя пацана. Мы стояли напротив возле угла. Вдруг резкий болевой удар по лицу из темноты, видимо из-за угла. Потом ещё. Никого не видно.

-Ты зачем толпу привёл? -спросил я.

-Я один. Ты не видишь, что ли?

-Меня только что ударили два раза.

-Показалось,— ответил он. Из-за угла ещё пара ударов, один прямо в глаз. Непроизвольно я схватился за больное место.

-Ладно,— проговорил парень,— я б тебя здесь хорошо отделал, да боюсь стукачей, заложись.

-Я не стукач. Трое на одного? Или сколько вас?

-Я тебя один бил.

-Да ладно... Я что, дурак что ли? Я же видел.

Один погон у меня был оторван, нос слегка разбит, под глазом небольшой отёк. Вернувшись в роту, я рассказал об этом Стародубцеву.

-Понимаешь, Вовчик,— ответил Коля, — что мы с тобой вдвоём сделаем?

-Да я ничего и не прошу, я понимаю. Тебя не собираюсь втягивать в свои проблемы.

Проходя мимо бытовой комнаты, я увидел Санаева, который бросил на меня любопытный, оценивающий взгляд и отвернулся, как ни в чём не бывало.

После этого между нами возникали ещё мелкие стычки на словах, но до драки больше уже не дошло ни разу. Он понял, что я даже если буду бит, всё равно буду стоять на своём, поэтому решил со мной больше не связываться, тем более, что мы служили всё-таки в одном взводе. К концу обучения у нас вообще установились дружеские отношения.

К завершению учебного курса мы почувствовали, что жить стало гораздо легче. Сержантам поднадоело нас гонять, муштровать и лишь иногда они ещё взбрыкивались. Так наш командир отделения Федорчук однажды, будучи в плохом настроении, за провинность одного из курсантов вывел нас на спортгородок и, дав команду «Бегом марш», заставил нас тупо бегать часа два, пока мы совсем не выбились из сил. А что мы могли сделать? Занятия по физподготовке положены, мы занимались согласно распорядку дня.

Во время кроссов мы стали «сачковать». На это нас наталкивали сами командиры. Если строй растягивался, то они останавливали впереди бегущих и после команды «Упор лёжа принять» заставляли их отжиматься до тех пор, пока не подбежали отстающие. Самые последние подгонялись пинками. Естественно, что те, кто хоть немного думал и не старался выслужиться, всегда бегал в середине строя, чтобы и не качаться по чём зря, и не получать пинки под зад.

Когда до экзаменов осталось совсем немного времени, служить стало вообще хорошо. Малина. Может, потому что мы уже всё умели, сержанты совсем перестали вытягивать в струну себя и курсантов, хотя некоторая злость ещё кое у кого и оставалась по инерции. Мы все конкретно привыкли друг к другу.

По вечерам нас стали рассаживать в кузова ЗИЛов и развозить по городу на посты для патрулирования, помогать милиции. Меня высаживали на участок, где патрулировали два молодых сержанта – милиционера. Участок был небольшой. Рядом был магазин, где я каждый вечер покупал конфеты. И жизнь казалась мне в это время просто замечательной. Это было что-то вроде увольнения. Парни попались свойские, даже пытались познакомить меня с одной девушкой. Но девушка, довольно-таки симпатичная продавщица, была постарше меня лет на пять, отнеслась ко мне, как к малолетке, испугалась моей невинности, нерешительности и отталкивающего запаха нафталина, исходящего от моей шинели.

Участок был спокойный. Время от времени приходилось лишь подбирать и грузить в машину валявшихся где-нибудь возле автобусных остановок пьяных мужиков. Однажды, правда, на моих глазах, не заметив меня, парень сорвал с женщины меховую шапку и бросился бежать. Я кинулся за ним. Долго я за ним бежал, выдохлись оба. Наконец, он не выдержал и бросил шапку, дальше преследовать его у меня не было ни сил, ни желания. Женщина была очень благодарна. А я заработал ещё и благодарность от командира отделения, а от командира роты – внеочередное увольнение в город. Вообще, по приведённой потом статистике, во время нашего патрулирования преступность в городе снизилась на двадцать процентов. Так нам говорили.

К концу учебки я довольно сильно отъелся, во многом благодаря частым нарядам на кухню и резко сократившимся физическим нагрузкам. Поддерживать форму помогали всё те же занятия в спортивном городке да трёхчасовые хождения в строю, чеканя шаг: готовились к параду в честь 65-й годовщины Октября. На Параде мы прошли красиво, потом показали по местному телевидению в новостях, интересно было впервые увидеть себя в телевизоре. Участие в Параде было событием ярким, приятным очень.

Перед самыми экзаменами командование устроило двухсуточный полевой выход: Предполагалось пройти километров пятьдесят. Сначала долгий переход, включающий разные элементы: розыск, атаки цепью, военная игра между ротами; обед, ужин в поле. Затем ночлег в палатках, продолжение игры, марш – бросок, стрельбы, ночёвка – и в часть.

Я ходил с забинтованной ногой, после того как в лесу ещё искусила мошкара, и пошло воспаление. Но, так как меня дополнительно обучили на радиста, то вручили четырнадцатикилограммовую рацию Р-105 с длинной антенной помимо полной боевой экипировки, и поставили радистом посредника. Когда я узнал, что помимо всего прочего мне ещё и рацию придётся таскать, да ещё и носиться за посредником, который сам как Фигаро должен быть то здесь, то там, следить за ходом учения, мне стало по-настоящему грустно.

Выдохся я примерно часа через три после того, как мы вышли из части. Посредник, офицер, летал налегке от одного подразделения к другому, а тут ещё и пришлось по пашне бегать, сырой после дождя, когда грязь налипала на сапоги стопудовыми кусками. Я понял, что ещё немного, и очокурюсь. Все марш-броски, которые были ранее я переносил, но с большим трудом, на пределе. Меня никогда не таскали, я добегал сам. А эти рация и посредник были для меня последним штрихом, чтобы отключиться.

Я стал заметно отставать от офицера. Наконец, он сжалился:

-Давай автомат, а то мы с тобой не успеем никуда.

-Да не надо, товарищ капитан.

-Давай, давай.

Автомат он забрал, но реанимировать мои силы было уже почти невозможно.

В конце концов, он от меня убежал, оставив мне мой автомат. Никому не нужный я брёл за подразделениями, стараясь не отстать, чтобы не заблудиться. Из последних сил я еле поднимался в гору, когда мимо меня браво стал проходить наш взвод:

-Привет, Вовка!

-Ты что мешок кирпичей с собой несёшь?

-Что-то у тебя видок бледный.

Настроение у них было бодрое.

Надо сказать, что я не хотел брать эту рацию. Говорил, что у меня болит нога, я освобождён от кроссов (имел справку, но никогда ей не пользовался, везде бегал со всеми). Но до этого я ходил два раза в неделю к связистам, где меня учили обращаться с Р-105 и вроде бы чему-то научили. Во взводе я считался одним из двух радистов. Я – то был уверен, что сержанты специально отправили именно меня обучаться работе на этой не нужной мне рации. Куражились. Во всяком случае я так думал. А тут, когда начал отказываться, замкомвзвода разозлился:

-Ах, ты, гад! Закосить хочешь? Чтобы другие за тебя рацию таскали? Да на тебе пахать надо! А ну схватил рацию и вперёд!

Пришлось исполнять.

Когда я добрёл до палаток, то плюхнулся в одну из них, только что поставленную, застеленную соломой, с мыслью, что меня из этой палатки сегодня уже ничто и никто не вытащит. Такое было блаженство!

Дело было уже перед закатом. На ужин я не пошёл, хотя знал, что будет всё очень вкусным и всего вдоволь, как и в обед было: горячий чай, хлеб с салом солёным, которое я уже полгода

не пробовал. Но аппетита не было совсем, тем более, что впереди предстоял большой марш. Наедаться в обед было нельзя. Как специально, всего было хоть объесться.

Не успел я улечься, как раздалась команда:

– Строиться! Построение на большой поляне.

Я никак не отреагировал. Казалось, не было такой силы, которая могла бы меня поднять. Но Коля Стародубцев убедил меня пойти на построение, чтобы не искали. Я счёл этот довод разумным и встал с мягкой соломы.

Построение сделали для подведения итогов первого дня и для объявления дальнейшего распорядка. Комбат сказал:

-Первый день нашего выхода показал, что действовали мы слаженно, выучка, дисциплина – всё есть. Но, в боевых условиях нельзя забывать о взаимовыручке. Вот радист посредника так вымотался, что под конец уже идти не мог. Но ни один боец не догадался ему помочь. Я видел, как его взвод прошагал мимо, посмеиваясь. А ведь там были его друзья, сослуживцы.

На следующий день предстоял марш-бросок до стрельбища. Какой взвод, какая рота прибегут быстрее, те и молодцы. Традиционно первым из всего батальона всегда прибегал наш спецвзвод: 3 взвод второй роты. После предыдущего дня настроение у меня было упадническое. Рацию у меня забрали. Во второй половине дня на построении перед нашей ротой вышел старшина, прапорщик Гнедко и объявил:

-Освобождённые от кроссов, выйти из строя.

Освобождённые шагнули вперёд, я, естественно, – тоже.

-Так, внимание. Пока батальон будет готовиться к марш-броску, наша задача – выдвигаться на машинах в район стрельбища и к прибытию основных сил поставить палатки для ночлега. Для этого в роще возле стрельбища необходимо заготовить колья. Мы радовались в душе, закосили от марш-броска.

Когда прибыли на место, прапорщик сказал:

-Так. Оставляем оружие, вещмешки, лопаты и подсумки здесь, аккуратно складываем. С собой берём только топоры и идём в рощу. Без моей команды работу не заканчиваем.

И мы отправились на заготовку. Работали довольно долго. Вот уже начало смеркаться. Старшина что-то пропал из вида. Рядом со мной работал Петя Васильев, сын общевойсковой генерала. Как он к нам попал?

-Володь, темнеет уже. Пошли заберём оружие, – сказал он.

-Да, пора уже пойдём. Где этот старшина?

Когда мы подошли на поляну, то увидели лишь два наших автомата, экипировка – только наша. Они сиротливо лежали на полянке.

-Во, старшина даёт. Ушли уже, а нам ничего не сказали, – возмутился Петя. Я был тоже недоволен. От нашего старшины это вполне можно было ожидать. Альтруизмом он никогда не отличался. Достаточно вспомнить, как мы в баню ходили.

-Вы что тут делаете? – вдруг услышали мы. К нам подбежал Валера Перевезенцев из второго взвода:

– Скоро стрельбы начнутся. Ротный за вами послал.

-А почему ротный?

-Старшина сказал, что когда он вас звал, вы не вышли.

Когда мы подошли к столикам для чистки оружия, мой командир отделения был уже зол:

-Белов, ты один только ещё оружие не почистил, бегом к столу.

Я подбежал к столу, разобрал автомат и опешил: затворная рама была без затвора. Что за чертовщина?

-Товарищ сержант. За-затвора нет.

-Что? Что ты сказал? Где затвор?

-Не знаю.

Подошёл замкомвзвода, за ним и взводный.

-Товарищ лейтенант, я его сейчас прибью и всё! – высказал Федорчук.

Успокойся, – сказал мне Востриков, – вспомни, где разобрал автомат.

-Нигде не разобрал.

– Где было оружие? Где ты его бросил?

-Я его не бросал. Мы его на полянке сложили, где старшина приказал.

-Кто охранял?

-Никто.

-Как так?

-Гнедко сказал оставить оружие на поляне, а когда мы подошли, там никого не было.

-Пойдём, покажешь это место. Точно не разбирал?

-Никак нет.

Мы обыскали всю полянку. Ничего не нашли. И фонариком светили, и руками по траве шарили. Бесполезно.

Уже и взводный был взволнован не на шутку:

-Ты знаешь что за утерю матчасти будет?

Да были случаи, когда после тактических занятий мы по пластунски лазили по полянам, чтобы найти случайно потерянный магазин от автомата, но чтобы затвор потерять...

Тут подошёл командир роты, капитан Фролов:

-Белов,– возьми свой затвор, за утерю будешь наказан. Готовьтесь к стрельбе, сейчас ваш взвод будет стрелять.

Я был на небе от радости. Отойдя в сторону, ротный сказал моему командиру взвода:

-Самородков проходил мимо, увидел оружие без охраны и забрал затвор, вытащил из крайнего автомата, уже комбату доложил, не мог просто мне отдать.

Старший лейтенант Самородков – командир первой роты. По окончании стрельб Фролов построил роту:

Курсант Белов, курсант Васильев! Выйти из строя! За утерю материальной части курсанту Белову объявляю один наряд вне очереди, за сон в неустановленное для сна время курсанту Васильеву– один наряд вне очереди.

Оказывается, Петя, как только мы пришли из рощи, уснул в только что установленной палатке. Когда только успел? Там его сам ротный и выловил.

Как я уже говорил, Васильев– генеральский сынок. Его отец приезжал к нам в Красноярск, заходил в часть, потом брал Петю на несколько дней в увольнение. Из увольнения он обещал нам принести несусветные лакомства. А пришёл, как и все: соколом, но голым. Ай да Петя...

-Отрабатывать будете прямо сейчас, в оцеплении, охранять стрельбище от посторонних,– заключил ротный.

Стрельбище находилось как бы в котловане, окружённом возвышенностями. Нас поставили на самую высокую точку, обдуваемую со всех сторон всеми неленивыми ветрами. Было около одиннадцати часов вечера, 18 ноября.

Ночью пошёл снег, ледяной ветер пронизывал насквозь. Стоять было невозможно. Мы вырыли по одному окопу для стрельбы лёжа, такую установку нам дал наш лейтенант. Попытались лечь в окопы, чтобы укрыться от ветра. Дуло меньше, но от земли отдавало холодом, как из морозильника. Вставали – долго не прстоишь. В окопе я даже пытался заснуть, и на несколько минут почти удавалось забыться. Так и дежурили: то вставали, то ложились. Ночь показалась нескончаемой.

Наконец, показалась смена:

-Мужики, живы ещё?

-Да живы. Сколько времени?

-Седьмой час.

Кое – как спустившись вниз на онемевших ногах, мы увидели костёр, возле которого сидели человек пять солдат:

-Мужики, дайте закурить.

Когда я почувствовал тепло костра, то испытал такое удовольствие, которое словами не опишешь!

И, наконец, экзамены. Как всегда начали пугать серьёзностью. Сказали, что те, кто завалит хоть один экзамен, в линейные части пойдут рядовыми. Ну а это-позор, можно сказать. Больше всего я боялся промазать на стрельбе, ведь стрелять нам как бойцам спецвзвода надо было из автомата и из пистолета. А пистолет-вещь коварная.

Принимали экзамены офицеры из штаба дивизии. Чтобы получить сержантское звание, надо было сдать всё на отлично. Хорошо, удовлетворительно – звание младший сержант.

Экзамен по тактике. Теория. За столом важный майор. Между партами ходит не менее важный наш лейтенант, взводный.

-Итак, у каждого из вас билет с вопросами. Но если мне кто-то ответит на мой вопрос без подготовки, я ему сразу поставлю пять баллов. Вопрос... Что такое разведка боем?

Ко мне подходит взводный и незаметно кладёт на парту книгу, открытую на нужной странице. Опять я крайний. Ну, взводный. Делать нечего, надо отвечать. Быстро пробежав глазами,

успеваю уловить только первые фразы. Летёха быстро и незаметно убрал книгу. Поднимаю руку.

-Да, пожалуйста.

– Разведка боем – это атака на по...позиции противника силами воинского подразделения с це...целью установления его огневых точек и.....и выявления рекогносцировки с целью дальнейшей передислокации.

-Рекогносцировки? Хм... Во всяком случае, если такие слова употребляешь, значит, наверняка готовился. Ну, и за смелость, естественно. Молодец! Ставлю пять!

Ух... Лейтенант доволен, я-тоже.

На стрельбы поехали опять в тайгу на наш уже ставший родным полигон. Зачем? Осталось загадкой. Наше стрельбище намного ближе.

Хотя, учитывая, что там были кирпичные домики для офицеров, можно догадаться.

Из пистолета отстреляли нормально. У меня– «хорошо». Осталось из автомата попасть по грудной, лёжа, и по ростовой бегушке – с колена сходу. Моя очередь. Бегу к огневому рубежу. Потом иду в сторону мишени. Поднимается грудная. Приседаю, вскидываю автомат, отсекаю два патрона. Ещё два. Мимо! Мишень опускается. Встаю. Иду. Поднимается ростовая.

-Стой! Стрелять буду! Выпускаю оставшиеся шесть патронов двумя очередями. Проезжает почти до конца и падает. Успел сбить или нет? Я уложил или уже оператор? Волнуюсь, жду результат. Построение:

-Результаты стрельб: Авдеев – удовлетворительно, Аврамов-хорошо, Белов-хорошо...

Есть! Сдал! Самое трудное –позади! Перед стрельбами нам говорили: «Если сбил свою мишень, а у товарища (стреляли по двое) ещё не сбита, помоги ему». Не знаю, сбил ли я мишень, помог ли мне товарищ мой Шубин, который раньше отстрелял по своей, или оператор положил, но четвёрке я рад был вполне. Ведь младший сержант-это уже сержант, а не рядовой и не ефрейтор. Вообще-то, Шубин сказал бы, если бы помог.

Те, кто отстреляли на двойку, стреляли по второму разу. И чего я трясся? В итоге отстреляли все, как надо. И вот подведение итогов, вышел полковник из штаба дивизии:

-Экзамены сдали все! Без потерь. Молодцы!.. Бывшие курсанты, а теперь сержанты.

Впереди ещё полтора года службы.

После получения звания кто-то уехал почти сразу в свою часть, кто-то ждал, когда придут за ним представители. Я с ещё несколькими сержантами ждал. Несмотря на то, что были

уже не рядовые, через день ходили в кухонный наряд, потому что больше некому было. Но нас это не огорчало. В учебке находиться оставалось считанные дни.

Сразу после экзаменов я узнал, что мой бывший одноклассник Коля Стародубцев уезжает в Усинск. Мы подошли к ротному:

-Товарищ капитан, двоюродный брат в Усинск уезжает, мы с первого дня вместе служим.

-Куда Родина пошлёт, там и будете служить, здесь вам не пионерский лагерь и не колхоз. Армия. Пора повзрослеть!

Ложь не помогла никаким боком. Я вспомнил, что ротный пообещал мне, когда застал за чисткой оружия сидящим на табурете. Тогда он ещё посмотрел в дуло автомата, в газовую камеру. Надо сказать, что наш сержант в последнее время, чтобы уже не заниматься с нами перед нашими экзаменами, заставлял нас часами чистить оружие. Чистить полагалось стоя. Мне это казалось несправедливым, и время от времени я присаживался на табурет. Двери в кубрик закрывались. В один из таких моментов и зашёл неожиданно капитан. Он ещё был зол на меня за утерянный затвор. Тогда он сказал мне:

-Как у негра... В Ангарку поедешь. Там тебя научат Родину любить.

Что ж, в Ангарку, так в Ангарку. Так и вышло. Перед отъездом мы подошли к нашему капитану:

-А что там, правда, так плохо? Все Ангаркой пугают. Глушь. Дедовщина.

-Да, ничего, нормально,— настроение у него в этот раз было хорошее,— только холодновато немного. Служить можно.

III. Линейный батальон.

27 ноября 1982 года пришла и наша очередь покидать учебный батальон. Группа получилась большая: Будашев, Резунков и Вильнов из второго взвода, Самсонов и я из третьего взвода, Горюнов и Черненко из первого и, к всеобщему нашему огорчению, с нами ехал и сержант Корякин, один из самых вредных «дедов», которого из учебного подразделения отправили дослуживать полгода в линейный батальон за какие-то нам мало известные «грехи». С нами же ехал солдат из милицейского батальона, переведённый в Ангарку так же за нарушения устава.

Правда, слово «ехать» в этом случае не совсем уместное, потому что батальон находился в глухой тайге, и добраться до него можно было либо по воздуху, либо по реке, а точнее— двум рекам. Мы вылетели на Як-40. Полёт занял время около часа.

Когда стали снижаться, внизу показались деревянные строения, поляны и , как мне показалось, небольшие перелески, сплошь стоящие из голых деревьев, напоминающих скелеты рыб, но впечатление было обманчивым.

Когда вышли из самолёта, то там, где кончался аэродром, со всех сторон увидели плотно стоящие друг к другу густые сосны и ели, окружающие поле, будто плотный зелёный забор из частокола.

Но самым удивительным для нас было то, что кругом всё было в снегу, и было видно, что он лежит здесь давно, мороз был никак не ниже градусов двадцати. Мы стали сильно поёжиться. Ведь в Красноярске было ноль градусов, и шёл мелкий дождь.

-А сколько от Красноярска до Ангарки?– спросил я у сопровождавшего нас прапорщика.

-Шестьсот километров где-то, чуть больше.

-Всего?

-Да. А что?

-Так здесь, как на Севере.

-А мы и служим в условиях, приравненных к, как ты говоришь, северным.

Наша часть находилась в семи километрах от Ангарки, в посёлке Докуры, туда поехали на УАЗике-буханке. Проезжая по Ангарке, мы с некоторым удивлением заметили, что буквально все дома деревянные, хотя встречались и двухэтажные.

В Докурах мы увидели наш батальон, состоявший из трёх деревянных двухэтажных казарм, деревянного плаца, одноэтажного штаба, хозяйственных построек. Немного вдалеке виднелся забор зоны с торчащими по краям вышками и небольшое количество одноэтажных домиков. И всё это было обнесено всё тем же плотным забором из хвойных.

-А здесь забавно,-заметил Резунков, самый старший из нас новичок, недавно ему исполнилось 26 лет.

Служба в линейном батальоне оказалась по сравнению с учебкой размеренной и однообразной, ежедневно состоящей из подготовки к караулам и непосредственно самих караулов. Те, кто не попадал в караулы и в наряды, оставался в роте, с ними проводились занятия согласно распорядку дня: политподготовка, строевая, физподготовка, огневая, спецподготовка, тактика. Всё, как положено.

Но, до самой боевой службы, после того, как пришло пополнение, мы, уже ставшие полноценными сержантами, обучили их всему необходимому. То есть, проделали с ними приблизительно то, что полгода назад проделали с нами на КМБ. Только, как нам казалось, более мягко. Хотя, наши «духи» с нами были не совсем согласны в этом. Но, ведь они не видели, что вытворяли с нами наши сержанты, особенно в сержантской школе.

И вот я вместе с несколькими «зелёными», которых обучал в течение полуторамесяцев, попал во вторую роту, которая выполняла задачи по охране производственных объектов. А это означало, что под охраной были два ЛЗУ(лесозаготовительных участка), дизельная электростанция, промзона (производственная зона), лесопильный цех, жилмассив, нижний склад, где делались из поваленного леса плоты, которые сплавлялись оттуда по Ангаре, прицепленные к специальным катерам.

Утром получали из зоны осуждённых, конвоировали их в пешем порядке или на автозаках на объекты, а вечером возвращались обратно. Некоторые объекты находились в двадцати-тридцати километрах, что вносило в нашу жизнь определённое разнообразие и интерес.

Конвоируя осуждённых в пешем порядке на объект Лесопилка, как мы его называли, расположенный в двух километрах от части, и глядя на чёрные отглаженные сапоги осуждённых, такого же цвета ватные куртки-телогрейки, я вспомнил, как впервые увидел зэков, отбывающих лишение свободы. Это было на стажировке в красноярской колонии, ЛИУ, так называемой больничке, где проходили лечение заключённые всех режимов, прибывшие туда из разных зон.

В разные караулы нас, курсантов, закрепляли за разными бойцами для ознакомления с особенностями конвойной службы. В тот раз я находился на посту вместе с оператором ИТСО, в его «аквариуме», полностью застеклённом небольшом помещении, находящимся над КПП. В этом помещении размещался пульт технических средств охраны, и из него отлично просматривалась прилегающая территория колонии и секторы линии охраны.

В сопровождении сотрудников к КПП подошли люди в серых костюмах с широкими белыми полосами. Полосатики с особого режима. Один из них был довольно молод, лет двадцати пяти. Но весь его вид показался мне каким-то свирепо-дерзким, развязным. Под полосатой кепкой с козырьком находилась бритая голова с низким лбом и нагловатым взглядом из-под лобья. Странно. Раньше я встречал многих людей, и отбывающих наказание на «химии», и освободившихся. Но они казались мне хоть и немного необычными людьми, но не опасными. С некоторыми из «химиков» я даже выпивал перед армией. Но вид этого человека мне показался по меньшей мере экзотическим. И в какой-то момент я подумал, что лишь стекло помещения ИТСО и высота второго этажа не позволяют мне испугаться этого гражданина осуждённого, и что в какой-либо подходящей ситуации он мог бы ни чуть не поморщившись мною, например, слегка перекусить: позавтракать или пообедать.

-Что, зелёный, не видел ещё зэков? Страшно?-спросил ещё тогда итсошник, низкорослый, вредный, который даже чай меня попить не пригласил, считал себя по статусу выше.

-Почему не видел? У меня сосед по подъезду такой же. Люди, как люди, -невозмутимо ответил я, в душе злясь и на себя, и на него.

Это был единственный момент за всю службу, когда я испытал что-то похожее на опасение, глядя на человека, одетого в робу, символизирующую своей расцветкой особо опасного. Позднее я много раз встречал таких людей, разговаривал с ними и ничего подобного уже не испытывал. Таковым было первое впечатление.

Подошли к объекту.

-Как заводить будешь?– спросил меня помощник по СРС, ефрейтор, держа пса на поводке.

-Как обычно, по карточкам, ты что первый раз сопровождаешь?

-Здесь первый раз. Я всё время на ЛЗУ-2 ездил.

-Ну, здесь всё так же почти.

Семьдесят человек спецконтингента стояли около меня у ворот КПП, дожидаясь, когда они, наконец, войдут на объект и, освободившись от назойливого конвоя, спокойно чифирнут перед работой.

-Начальник, впускай быстрее, мороз всё-таки.

-Может, по пятёркам зайдём?

-Разговоры прекратите, сами себя задерживаете,– важничал я.

Недалеко от меня в оцеплении стоял солдат, таджик по национальности, Задоев. Очень впечатлительный, эмоциональный, а на вид невысокий, худой, форма на нём висела, голенища сапог доходили почти до колена, из них выглядывали широкие солдатские брюки. Над ним жулики любили пошутить:

-Что замёрз, соседушка? Автомат-то не вырони.

-Да у него мешок на спине тяжелее его.

-А мамке скажет, что пограничником служил.

-Отставить разговоры,– прикрикнул я и начал по карточкам выкрикивать фамилии, понимая, что затягивать с этим нельзя.

То же самое повторилось и во время съёма. Вышедшие из объекта в хорошем расположении духа осуждённые стали вновь подшучивать над Задоевым. Я зашёл в караульное помещение забрать караульные принадлежности в чемоданчике и сказать находившемуся там солдату с рацией, чтобы выходил тоже. Вдруг я услышал душеспитательные крики; кричали все, кто стоял в первых шеренгах, и не только они. Доносились испуганные возгласы:

-А-а-а! Начальник! Ты что, командир?! Ты что?! Сержант!

-Я выбежал из караулки и увидел людей, находившихся в абсолютной панике.

Напротив них стоял Задоев с направленным на них автоматом, с искаженной от гнева гримасой на лице и вытаращенными глазами:

-Перестреляю всех... Ложись! Пристрелю!

Я понял, в чём дело. Он дослал патрон в патронник и держал палец на спусковом крючке, готовый в любую секунду дать очередь. Быстрым шагом я подошёл к нему, отстегнул магазин от автомата, передёрнул затвор, патрон выскочил из патронника. Ещё немного, и он мог нажать на спуск.

Ему я не сказал ни слова, хотя знал, что за насечку на патроне придётся писать объяснение. Легко отделались.

-Начальник, убери его отсюда!

-Сами виноваты. Чтобы я больше не слышал ваших приколов.

Меня удивило то, как сильно испугались осуждённые, какой ужас был в их глазах. Мне они даже показались трусами, хотя среди них все были рецидивисты со стажем: грабители, разбойники, убийцы, насильники, которые имели за плечами и вооруженные нападения на простых незащитных граждан. Хотя, что удивляться, Задоев не шутил, это уж точно. После этого случая, я не помню, чтобы хоть кто-то из жуликов бросил в его адрес хотя бы безобидную шутку.

Возвратившись в роту, после доклада ротному о несении службы в карауле, чистки оружия, я решил позаниматься на турнике. Ко мне подошёл Резунков, он тоже только что вернулся из караула, где был помощником, а начальником был сержант, прослуживший полтора года, дед. Когда мы пришли в роту, деды-сержанты оказали нам поддержку. Так было заведено в ВВ. Сержант должен командовать, даже если молодой. Но мы чувствовали, что ещё зависим от них.

-Сегодня ночью будет весело, – сказал Резунков.

-А что случилось? Праздник?

-Мы из караула привезли семь бутылок самогонки. Хлебанов заказывал водилам, чтобы в Ангарке купили. У него День рождения. Деда гулять будут.

-А кому весело будет, им или нам?

-Всем.

Дежурным по роте заступил сержант Березин, прослуживший год, «помозок». Дежурным по батальону-капитан Сергеев, командир первой роты. После команды отбой я не стал пить крепкий чай, который эки называли купцом, а мы чифиром. Чифирь настоящий намного крепче. Пить чифирь была традиция: после отбоя сержанты и те деда, что поблатнее, «шерстяные», пили чай, очень крепкий, почти чифирь, двумя – тремя группами в кружочек, кто во взводах, кто где-нибудь в каптёрке.

Уставший за день, я сразу уснул. Проснулся ночью от непонятного шума, беготни и криков: «Тревога что ли? В чём дело?»-не понял я. Я приподнялся на кровати и увидел бегущего по коридору сержанта Галиулина, заместителя командира первого взвода. За ним проскочили ещё два сержанта, Рыбкин и Кравцов (Кравт). Все трое прослужили уже по полтора года, деда. Услышал какие-то крики в конце коридора, приближающийся топот. Вдруг Галиулин вбежал в наш кубрик, за ним вломился Кравцов, сбил его с ног и начал бить руками и ногами:

-Сволочь, стукач...

-За что?-кричал плаксиво Галиулин, пытаясь увернуться. Лицо его было разбито до крови, губы распухли, под правым глазом здоровенный синяк. Быстро отделали. Он вдруг увернулся от ударов Кравцова, оттолкнул его и, резко поднявшись, побежал к лестничному проходу, чтобы выскочить из казармы.

-Ах, ты!...– выкрикнул Кравцов,-Рыба, надо его догнать!

Он был пьян, его слегка шатало.

-Да пошёл он,-отмахнулся Рыбин,-сам прибежит.

К нашему кубрику подошли человек пять подвыпивших дедов. Рядовой Обухов подошёл к кровати Вильнова, сержанта моего призыва:

-Подъём, форма раз!

Вильнов спрыгнул с кровати.

-Отбой!

Вильнов – в кровать.

-Подъём!

-Отбой!

-Подъём!

-Отбой! Молодец, уважаешь дедов.

Обухов направился ко мне.

-Подъём , форма раз!

Я лежал, глядя ему в глаза, давая понять, что подниматься не собираюсь. Я достаточно много перенёс унижений в сержантской школе от сержантов. Это мучило моё самолюбие. Но, там ничего поделать было нельзя, надо было подчиняться командирам, оканчивать учебку, невзирая на её гнилую систему. Но, я никогда не терпел каких-либо проявлений наглости по отношению к себе со стороны однопризывников или таких, как этот рядовой, который старше меня по призыву на год, но младше по званию.

Обухов был крепкого телосложения, но пожиже меня, меньше ростом, к тому же простоват, прихвостень сержантский.

-Подъём, я сказал!

Я молча лежал.

-Ты что не понял? Подъём, я сказал! Витёк! Он вообще оборзел. Я же говорил, что он не встанет,-обратился он к Кравцову.

-Ладно, оставь его...

Кравт подошёл ко мне и сел на мою кровать (все сержанты спали только на нижнем ярусе). Я тоже присел. Он приобнял меня за плечи, посмотрел на меня пьяными глазами:

-Ну ты что, Белый? Своё отделение не гоняешь. Твои деды вообще припеваюче живут.

-Витя, я же ко всем одинаково отношусь,..-начал было я. Вдруг Кравт обнявшей мои плечи рукой как-то неожиданно снизу ударил меня по подбородку, вроде бы и не сильно, но как-то резко и угрожающе. Я осёкся, замолчал.

-Ты что думаешь,-продолжал он,- мы для себя стараемся? Мы роту держим...

Я вспомнил, как впервые вошёл во вторую роту. Это было вечером. Вся рота лежала, приняв упор лёжа. И деды, и молодые. Стояли только сержанты и несколько человек "шерстяных". Остальные отжимались по команде. Такая картина в линейном подразделении меня,

надо сказать, удивила. Еще подумал тогда: "Неужели и здесь то же самое, что и в учебке? Куда я опять попал?"

-Мы вам не случайно поддержку дали,– продолжал Кравцов,– сержант в ВВ-это командир, которого все подчинённые должны слушаться. Мы каждый день службу с боевыми патронами несём.

Я молча слушал.

-Ты хороший мужик,-сказал он,– не стукач, но вяло командуешь, не гоняешь дедов из своего отделения. А мы хотим, чтобы ты приподнялся, стал замкомвзводом. После нас кто будет командовать? Вильнов, твой однопризывник, сдал уже тебя лейтенанту, когда его прижали, мне Резунков рассказывал.

-Да, сдал,-слегка удивляясь, ответил я. А сам подумал: «Ну, Реза, уже успел нашептать».

На Вильнова я действительно был злой. Он ударил солдата, а его взводный увидел. Завёл его в канцелярию и начал пугать, что сорвёт лычки. Вильнов размяк.

-Кто ещё так воспитывает молодых?-спросил тогда лейтенант. Долго не думая, Виля назвал меня. После этого у меня были неприятности. Его взводный рассказал обо мне моему взводному, Москвину. Вдвоём они вызвали меня и начали воспитывать:

-Ты бьёшь молодых!

-Нет,-сказал тогда я. Видели бы они, как нас били в учебке. В тот раз они от меня отстали. Но, Москвин обозлился на долго на меня, а я –на Москвина и Вильнова.

-Так вот, Вильнов-то растёт. Его ротный уважает, скоро замком поставит,-снова заговорил Кравт,-а мы этого не хотим. Галиулин, знаешь, за что сегодня получил? За то, что замполиту постоянно нас сдаёт. Понял?

-Да, конечно.

-Так что смотри, Белый. Будешь командовать, и поддержка от нас будет. Бери пример с Резункова. Он и нас уважать умеет, и себя перед отделением поставить тоже умеет.

-Витёк, пошли в каптёрку,-сказал Рыбин, стоявший во время разговора рядом, вместе с Обуховым,-Галиула вон идёт.

Толпа двинулась навстречу Галиулину.

-Что здесь происходит?-раздался вдруг громкий командный голос. Рядом с Галиулиным стоял дежурный по части, капитан Сергеев. Находясь на КПП, недалеко от нашей казармы, он услышал шум в нашем здании, а затем и увидел выбежавшего сержанта.

-Где дежурный по роте?

-Здесь, товарищ капитан,— из бытовки вышел Березин.

-Всё ясно. Пьян?

-Никак нет.

Березин был трезвый.

-Дневальный, вызывай начальника караула! Березин, Галиулин, ко мне с объяснениями! Рыбин, Кравцов, снять ремни! Вы арестованы.

Разбирательство по этому инциденту длилось недолго. Большого шума делать не стали. Рыбина, Кравцова и Березина, который попал в эту историю потому, что был дежурным по роте, разжаловали и отправили служить в другие части. Галиулин так и остался заместителем командира первого взвода. Хлебанов, виновник торжества, Обухов отделились тремя сутками ареста. Больше всех переживал Березин. Физически он был не силен, мал ростом. И очень гордился своими сержантскими погонами. Теперь, в другой части, ему предстояло начинать всё с начала, заново самоутверждаться рядовым.

Перед отправлением в другую часть Кравцов, будучи уже рядовым, подошёл ко мне, когда я курил в умывальнике. За исключением того ночного случая, у меня с ним, как и с остальными сержантами, были хорошие отношения:

-Ну вот, уезжаем.

-Да, счастливо.

-Слушай, Володь, давай шапками поменяемся, у тебя новая. Ты себе ещё найдёшь. А мне всё-таки в новом коллективе надо утверждаться.

-Ладно, возьми.

Я отдал ему свою шапку, которая мне очень нравилась. Отказать было как-то не по-мужски.

Весной 1983 года меня часто стали направлять начальником караула на небольшие временные объекты, среди которых был объект «Баня». Он прилегал к нашей части, так как баню строили для солдат. Караул состоял из начальника караула, двух часовых и одного подменного. Всего два поста по диагонали периметра объекта. Выводилось пять осуждённых, старшим из которых был бригадир. Наглый, самоуверенный зэк, чувствовавший поддержку нашего заместителя командира батальона по тылу, капитана Пузикова. Пузиков был хороший, ненапыщенный офицер. Кормили осуждённых во время работы продуктами из нашей столовой.

Мне этот бригадир сразу не понравился. Я постоянно делал ему замечания, на которые он сознательно нарывался, и постоянно со мной пререкался, но как -бы не всерьёз, а слегка подтрунивая. И пугал при этом замом по тылу. Это меня злило. И бригадира, и этот дурацкий объект я невзлюбил. Но невзлюбил ещё и потому, что из сруба будущей бани осуждённые прорыли траншею, идущую через объект у углу, где не было вышки. В один из дней к периметру подъехал трактор «Беларус» и начал рыть землю ковшом как раз там, куда вела траншея. Я подошёл к трактористу:

-Ты что здесь делаешь?-крикнул я. Тракторист зло посмотрел на меня и продолжал работу.

-Ты что делаешь? Заглуши мотор!

-Чего тебе надо?-тракторист выглянул из кабины.

-Убирайся отсюда, чтобы я тебя не видел!

-Мне Пузиков сказал вырыть здесь котлован!

-А мне плевать! Убирайся, я сказал!

-Ну и хрен с вами! Сами разбирайтесь!

Трактор уехал.

-Ты зачем трактор угнал?-спросил бригадир,-ваш зам по тылу с ним договорился. Ох и получишь ты, сержант, за самовольство.

-Не твоё дело.

На следующий день Пузиков, увидев меня утром на разводе, сразу направился ко мне:

-Белов, ты что наделал? Зачем трактор убрал?

-Товарищ капитан, вы же знаете. Это охраняемый объект, меня никто не предупреждал, он начал копать в конце траншеи на линии охраны.

-Я неделю этот трактор выбивал.

-Предупреждать же надо.

-Ну, ты безобразник.

Пузиков знал, что он должен был поставить нас в известность. Я был прав.

-Больше не прогоняй его. Баню же для батальона строят.

-Ясно, товарищ капитан.

Котлован вырыли на следующий день. Это меня ещё более забеспокоило. Придя на объект и расставив часовых, я сказал подменному:

-Зайди в баню и по траншее проберись к котловану, а оттуда ко мне в караулку незаметно пробеги.

Он проделал это очень быстро и умело. Я позвонил на посты по полевому телефону:

-Что –нибудь видели?

-Нет. Ничего не видели.

Вернувшись в роту, я доложил об этом ротному. В тот момент обязанности командира роты выполнял замполит Ельцов.

-Хорошо,-сказал он,-ничего страшного. Часовых ставь не на вышки, а по другим углам. Одного, естественно, получается у котлована, другого –напротив.

-Понял.

Этим вопрос был исчерпан. Я ещё с неделю походил на этот объект и был переведён на промзону, большой объект, смежный с жилзоной. Про эту историю позабыл. А на «Баню» стал ходить младший сержант Пылёв, долговязый, медлительный и, казалось, ко всему равнодушный увалень. Он был на полгода старше меня по призыву. К тому времени уже дед.

Прошло больше месяца после того, как я ушёл с этого объекта. В этот день я не был в карауле, остался в роте на занятиях. В одиннадцать часов утра дневальный вдруг закричал:

-Рота, тревога! Форма одежды караульная!

Мы вооружились и выскочили на плац. Построили весь батальон. Вышел комбат, он был взволнован:

-Внимание! Полчаса назад начальником караула объекта «Баня», прилегающего к части, были обнаружены следы ботинок на насыпи котлована возле периметра, после чего он не досчитался одного осуждённого, выводившегося на работу, бригадира Челещева. Побег!

После этого весь батальон раскидали на розыскные группы, временные розыскные посты, то есть всё сделали по боевому расчёту части. Стали искать бригадира. У него на лбу было написано, что он чего-то хочет, вот только не понятно было, чего.

Пылёв, естественно, расставил часовых на вышки, как и полагается. А то, что траншея уходит за периметр, его не удивило. Но, в его честь следует отметить, что он вовремя заметил

следы на насыпи. Челищев успел уйти всего на семь километров от Докур. И когда группа Резункова высадилась из 131-го возле Ангарки, то вскоре, выходя из небольшого лесочка, почти на окраине посёлка они вдалеке увидели человека в эковской спецодежде, бегущего по полю в сторону от них.

-Стой! Стрелять буду!– закричал Резунков.

Никакой реакции. Толя вскинул автомат и дал очередь над бригадиром. Тот в миг присел и, как врос в землю.

-Стоять!– Резунков подошёл к побегушнику. -Обыскать его.

Банка рыбных консервов и нож, больше ничего не нашлось.

-Что же ты, сучонок, в побег-то вдарился? -укоризненно спросил Реза у Челещева, когда его конвоировали в зону,-тебе же осталось чуть больше двух лет. Большую часть отсидел уже.

-Не знаю, начальник. Захотелось, и всё. Такая возможность. Надоело всё. Решил, что хоть пару дней , да погуляю на воле. А там...

-Дурак ты!

-Как знать?

После этого Резункову хотели дать отпуск, но он отказался, зато не отказался от знака за Отличие в службе 2 степени.

Это был уже второй побег из охраняемых нашей ротой производственных выводных объектов. До этого двое бежали с ЛЗУ. Две недели бродили по тайге, заблудились и, когда голодные, изъеденные мошками и комарами, промокшие и измёрзшие случайно наткнулись на солдат, которые находились в «секрете», то готовы были от радости броситься к ним на шею и расцеловать.

Самым дальним из караулов и самым многочисленным был «Нижний склад». Он находился в 30-ти километрах от батальона на Ангаре. Там, как я уже говорил, делали из брёвен плоты и при помощи катеров сплавляли их по реке. Это был объект, где готовили спиленные на ЛЗУ ценнейшие породы деревьев, прекрасный лес для транспортировки по воде, для лесосплава. А лес в нашей местности безжалостно валился потому, что на этом месте в скором времени должно было возникнуть водохранилище.

Летом там было хорошо, а зимой это был самый холодный и продуваемый объект с пятнадцатью вышками. Начальниками караулов туда ездили только прапорщики и изредка офицеры, а помощниками начальников караулов-сержанты. Мне не нравился этот объект. Ещё и потому не нравился, что не за долго до нашего приезда в Ангарку, там начальник караула, прапорщик Ледков, застрелил солдата-повара, одногодка Обухова, Рыбина и Кравцова. Прапор-

щик частенько ездил в караул пьяным. В тот день он напился вдрызг. Помощник пошёл менять часовых, часовой КПП проверял машину. Остался один повар, рядовой Прыгунов. Как раз в отпуск собирался домой. По рассказам его сослуживцев, он в этот день очень не хотел заступать на службу, хотя в другие дни был общительным и весёлым. Оставшись наедине с Прыгуновым, Ледков достал пистолет и наставил на повара: «Ложись», -сказал он. «Ты что, старшина, перестань», – испуганно произнёс солдат. «Ложись», - снова потребовал начкар и выстрелил из пистолета. Пуля попала в грудь на вылет.

Находясь в карауле на этом объекте, мы часто смотрели на глубокую вмятину в стене вагончика-караулки, оставленную этой дурной пулей, выпущенной из оружия так нелепо.

Когда мы были в сержантской школе, там в клубе провели заседание военного трибунала, где осудили Ледкова на 15 лет. Как смягчающее обстоятельство – малолетний сын.

Говорят, что комбат, узнав о гибели солдата, буквально плакал и, глядя на бойцов, произнёс тогда: «Что же я матери его скажу?». Прыгунов погиб от рук мерзавца, который будучи прапорщиком, часто издевался над солдатами. Ночью приходил пьяный в казарму и поднимал роту, особенно ненавидел дедов и дембелей. Бывали случаи, когда он зимой выгонял их раздетых на улицу и заставлял под счёт отжиматься на снегу.

А вот Сергей Конев, парень нашего призыва, погиб в Боре от случайного выстрела при разряжении оружия. В сержантской школе он тоже был в нашей 2 роте, во втором взводе. Парень из Тульской области. Их много у нас было, туляков, и в учебке, и в батальоне. В нашей учебной роте он был самый интеллигентный. В батальоне со мной в Ангарке служил его друг и земляк, Валера Гришаев. И узнали о его гибели мы как-то по-армейски банально: командир роты зачитывал обзор происшествий по дивизии и сообщил: « В войсковой части... п. Бора в результате нарушения требований устава караульной службы при разряжении оружия погиб помощник начальника караула сержант Конев». Прослужил он полтора года.

В нашем линейном батальоне бывали тоже случайные выстрелы, без этого не обойтись. В глубине души каждый из нас побаивался этой глупой пули, особенно под дембель, когда все становятся немного суеверными. Когда время тянется, но родной дом становится всё ближе, и возникает опасение того, что какая-нибудь случайность возьмёт да и помешает испытать этот сладкий миг, который видится солдату много раз, миг счастья, когда тыходишь к двери, стучишь и слышишь за ней шаги того человека, о котором не забываешь никогда за время службы, и который всегда помнит о тебе, шаги мамы.

И не случайно во многих солдатских блокнотах написаны строчки: « Единственная женщина, которая ждёт солдата-это его мать». Конечно, это не совсем справедливо в отношении девушек, жён, которые по-настоящему ждут своих парней, мужей. Но они, я думаю, не обидятся, ведь солдаты в нашей армии, в основном, молодые, зелёные, даже почти не целованные. Такая уж наша Советская армия.

Когда я пришёл во вторую роту, командиром роты был капитан Янычев. Через несколько месяцев он поступил в академию. Обязанности командира роты сначала выполнял замполит, потом ротным назначили старшего лейтенанта Жилова. До этого он был замполитом в третьей роте.

Жилов был интеллигентный, не курил, очень подтянутый, стройный, спортивного вида офицер с большими амбициями. Он сразу нам сказал, что сделает из нас лучшую роту в батальоне. Начал он с того, что стал регулярно поднимать роту ночью по тревоге. Мы вскакивали часа в три, экипировались по полной боевой, получали холостые патроны, компенсаторы для стрельбы очередями вхолостую и делали марш-бросок до Ангарки и обратно.

Это четырнадцать километров. А местность у нас была холмистая ближе к реке. Возле посёлка разворачивались в цепь, с криками «Ура» в буквальном смысле атаковали крайние дома районного центра на небольшом от них расстоянии, при этом давали очереди из автомата холостыми патронами и бежали домой в часть. Интересно, что при этом ощущали жители этих домов? И почему они не жаловались на этот, по сути, ночной беспредел? Может, у ротного жил в этих домах кто-то из тех, кого он очень недолго любил? В шутку мы не раз говорили об этом. А может, он просто был обычным придурком, хотя так-то сам по себе был нормальным мужиком. Ведь наши офицеры тоже все были молодыми мужчинами. Ротному было двадцать пять лет тогда, замполиту – двадцать восемь, командиру второго взвода было двадцать два года, прапорам – от двадцати трех где-то до двадцати семи. Наверное, в нем просыпался какой-то детский азарт, ему хотелось пошуметь возле Ангарки, чтобы люди знали о нас и говорили о нас. Скорее всего, он просто куражился, делая таким образом однообразную, рутинную службу в лесу более интересной.

Во время броска Жилов один раз обязательно давал команду «Газы», все надевали противогазы, а он разбрасывал «Черёмуху» – слезоточивый газ. Когда он сделал это в первый раз, то многим пришлось не сладко, так как клапаны в резиновой шлем – маске у них были вырваны.

Поднимал он нас с периодичностью – раз в неделю, в две. Причём промежутки были разные, так что мы постоянно находились в состоянии нервозности, и когда ложились спать, не были уверены, что нас не поднимут по учебной тревоге. Пришёл он к нам глубокой осенью, соответственно, прибежав к шести утра, мы умывались, получали оружие и измученные, в мокрой от пота одежде заступали на службу в мороз.

Некоторым приходилось сразу идти на вышку и отстукивать там зубами. Другие две роты поднимались по учебной тревоге только с батальоном, а случалось это без надобности только тогда, когда проверяющие из Новосибирска прилетали (у нас был отдельный батальон, и мы подчинялись только командованию дивизии).

Солдаты и офицеры из этих рот смотрели на нас с недоумением. А я в такие моменты думал: «Вторые роты во всех подразделениях что ли самые безбашенные и беспределные?»

Продолжалось это месяца полтора. Потом, когда в дивизии узнали об этом, по шапке получили и ротный, и комбат. Оказалось, что роту по учебной тревоге может поднять только вышестоящий командир, но никак не сам ротный. Мы снова зажили, как нормальные люди.

Наша казарма находилась рядом с КПП, где размещалось караульное помещение внутреннего караула, охраняющего часть. Однажды вечером, отдыхая в ленкомнате, мы вдруг услышали выстрел. Мы выбежали на улицу и увидели, как возле КПП суетятся люди. Когда подошли туда, то увидели, как из караула выносят на плащ-палатке сержанта из первой роты. Его вынесли и положили на деревянный плащ. Глаза его были закрыты, рот шевелился, и из него вытекала светло-розовая пена. Одна рука была под плащ-палаткой, кистью другой он делал движения, будто хотел взять в неё что-то, сжимал и разжимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.